

ПСЕВДОНИМЫ РОССИЙСКОГО РУБЛЯ

ПСЕВДОНИМЫ РОССИЙСКОГО РУБЛЯ **И**ЛИ КАК ТЕСНЯТ МОНЕТУ

- КАК ВАС ТЕПЕРЬ НАЗЫВАТЬ?

- СБОРНИК СТАТЕЙ «КРИВОЕ ЗЕРКАЛО»

ББК 63.3
УДК 94 (47)

С30

Семенов В. Е. - Как вас теперь называть?

Валл А. В. - Статьи из серии «Кривое зеркало».

С30 Псевдонимы российского рубля.

Конрос-Информ, 2013. - 56 с.

ISBN 978-5-94088-023-3

Мало кто знает, что в XVIII веке монеты не чеканили - их тиснили, четко различая «*тисненные*» на винтовом прессе монеты и «*чеканенные*» ударом серебряные денги-«чешуйки». Созвучие слов вынесено в заголовок сборника статей по нумизматике, в котором показано, как устоявшиеся стереотипы порой теснят (а иногда и вовсе вытесняют) истинную роль тех или иных монет в истории. Сегодня, когда полновесные, обеспеченные ценностью содержащегося в них металла монеты сами оказались вытесненными на периферию экономической жизни, особенно уместно вспомнить их интереснейшую историю.

Современники монет знали эту историю лучше нас. Они ясно представляли, почему первые рубли были названы «*Добрыми*», но были заменены «*Московскими*», которых, в свою очередь, вытеснили «*Новые*». Для них четкий смысл имели названия рублей «*Ассигнационный*» и «*Целковый*». Их не удивляло, что «*Золотой*» рубль чеканится в серебре, и то, что прежде бывало и наоборот (как нас не удивляет, что еще недавно рубль был «*Деревянным*»). Но коллекционеры переименовали эти монеты по-своему. В настоящем сборнике рассматривается, насколько удачны закрепившиеся за рублями новые псевдонимы.

Подписано в печать 27.11.13. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 7.

Тираж 3 000 экз. Заказ 2820.

Издательство «Конрос-Информ». 197324, Санкт-Петербург, ул. Сердобольская, 65.

ООО «Премиум-Пресс». 197374, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, 4.

ISBN 978-5-94088-023-3

© «Конрос-Информ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ВАС ТЕПЕРЬ НАЗЫВАТЬ ?

«Эффект страуса».....	4
Кто такой металгер?.....	8
Медальер в кандалах.....	10
Кто заказчик?.....	12
Лирическая идеализация.....	14
Кто вырезал орла «Дасье»?.....	18
Кто автор «Ивановского» портрета?.....	20
Плоды коллективного творчества.....	22
Медальер-монополист.....	25
SUMMARY.....	28

СТАТЬИ ИЗ СЕРИИ «КРИВОЕ ЗЕРКАЛО»

МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ ПЕРИОДА ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ.....	30
РОЛЬ «ТИРАЖА ВЫПУСКА» В ОПРЕДЕЛЕНИИ РЕДКОСТИ МОНЕТ.....	36
МИФ О ТОЧНОМ КОПИРОВАНИИ ШТЕМПЕЛЕЙ.....	38
МОНЕТЫ БАНКОВСКОГО ДВОРА (СП ОМ).....	42
ЯКОБ РЕЙХЕЛЬ - НУМИЗМАТ-ФАНТАЗЕР.....	46
ДОЧЕКАНКА «ГАНГУТОВ».....	54

«ЭФФЕКТ СТРАУСА»

Почему страус при виде опасности прячет голову в песок? Эту особенность нелетающей птицы давным-давно описал современник Христа, авторитетный римский ученый Гай Плиний в своей «Естественной истории». Глупость, конечно - с позиций сегодняшнего естествознания. Если бы этому виду были присущи подобные инстинкты, он вымер бы еще до появления человека разумного. Но авторитет есть авторитет. И через два тысячелетия мы называем страусом человека, закрывающего глаза на очевидное ради сохранения привычного, удобного, комфортного существования. А в большинстве своем считаем, что страусу и в самом деле удастся спастись таким оригинальным способом. Хорошо, что сама эта неразумная птица до такого додуматься не смогла, и в случае опасности по-прежнему пускает в дело свои мощные лапы.

Но разговор не об этом. Давайте посмотрим, как ошибочное предположение, или непродуманное название отдалают наше представление о предмете от него самого.

Увлеченные коллекционеры знают множество интересных монет, имеющих не только свою занимательную историю, но и свое прозвище-прилагательное. Некоторые из этих названий происходят от особенностей помещенного на металлический кружок изображения, или от имени вырезавшего это изображение мастера, или от связанного с выпуском монеты события, или... просто из чьей-то головы, которой почудилось в старой монете нечто знакомое. Какие-то из приклеившихся названий можно считать более удачными, другие - менее, а некоторые просто искажают изначальную суть связанных с их выпуском событий.

Например, свою кличку-сокращение имеет каждая из памятных монет императорского периода. Их короткие названия: «Гангут», «Славный год», «300-летие»; или же: «Свадебник», «Семейник», «Коронация» пока еще близки к своим историческим основаниям. Менее повезло рублям, выпуск которых был связан с открытием памятников императорам и их деяниям: «Трон», «Дворик», «Колонна», «Часовня», «Конь» - что вижу здесь для себя понятного, так и называю. Но не ведет ли такое упрощение к утрате исторической памяти?

Возможно, вы скажете, что автор излишне дотошен в своем суждении, и, пожалуй, будете правы. Пока ничего страшного не случилось. Подумаешь, жаргонное наименование. Может быть, не вполне корректно, но зато очень удобно и сразу понятно, о какой монете

идет речь. А что касается причины выпуска, то на каждом памятном рубле она указана на понятном русском языке. Бери в руки и читай. И все-таки называть памятник российскому императору Николаю I «Конем» - несколько чересчур. Того и гляди, начнем считать, что здесь увековечены заслуги этого полезного животного.

На следующих страницах мы будем говорить о заблуждениях намного более серьезных, а пока коснемся самой «раскрученной» нумизматами российской монеты - «Константиновского рубля».

На первый взгляд, название этого рубля вполне отражает историческую суть события. Вот он, император Константин на своей монете. О причинах ее происхождения высказано немало мнений и опубликовано несколько серьезных исследований. Ученые ищут политическую подоплеку, и к инициаторам выпуска не причислен разве что Пестель с товарищами-декабристами. Но ведь нет ни малейшего доказательства того, что хоть кто-нибудь из членов императорской семьи хотя бы краем уха слышал об этой афере. А раз так, искать политические мотивы может только фантаст в полете своего воображения.

Собственные исследования причин появления монеты приводят к выводу, что они не столь сложны. Рождение фантастического раритета оказывается целиком на совести протезе министра финансов, коллекционера-дельца Якоба Рейхеля (см. статью далее).

Но тогда можно ли называть этот рубль «Константиновским»? Может быть, лучше - «Рейхелевским»? Тем более, под этим именем уже есть монеты, такие же фантастические. Так пусть будет еще одна. Нет, не получится. Слишком много авторитетных работ по теме. «Эффект страуса» не позволит.

«Фамильный» («Семейный») полторник Николая I;
«Коронационные» рубли Александра III и Николая II;
«Свадебный» - к бракосочетанию наследника престола;
«Славный год» - в память событий 1812 года;
«Гангут» - в честь морской победы 1714 года;
«300-летие» династии Романовых
- в этих названиях пока еще остается элемент исторической памяти.

Пяти следующим монетам повезло меньше. Коллекционеры придумали им названия по одному из бросающихся в глаза элементов оборотных сторон. Так появились клички: «Часовня», «Колонна», «Дворик», «Трон», и уже совсем обидное - «Конь».

Приведем еще несколько примеров, показывающих, как жаргонное наименование монеты, прочно войдя в коллекционный разговорный оборот, существенно искажает действительное положение вещей.

«Тигровик»

В 1721 году в финском городке Ништадт наконец-то был заключен долгожданный мирный договор России со Швецией. Правительствующий Сенат почтеннейше испросил дозволения царя именовать его Отцом Отечества и принять титул Императора Всероссийского. С 1722 года этот титул появляется на рубле и начинается поиск соответствующего ему оформления «персоны».

В следующем году появляется новый портретный тип - на латы Петра наброшена горностаевая мантия, подчеркивающая его императорское величие. Кто и когда решил, что это тигровая шкура и назвал рубль «Тигровиком»?!

«Матрос»

Дальше - больше. В том же 1723 году принимается решение изображать императорскую персону в одежде античных императоров, как тогда говорили - в «староманирном» виде.

Работа над портретом поручается немецким профессионалам, изготовившим образцовую форму. Она утверждается, и поступает в работу на московский Кадашевский двор.

Как же получилось, что рубль, печатавшийся в последние годы жизни Петра, с портретом, оформление которого должно было, по мысли художника, подчеркнуть императорское звание, переименовывается в «Матроса»? А все дело в том, что античное императорское убранство кому-то из коллекционеров напомнило форму современного ему моряка. Свою роль в формировании фантазии, наверняка, сыграла и общеизвестная тяга Петра к морю. «Так вот же почему русский царь повелел изображать себя на монетах в морской форме!», - открыл для себя этот кто-то. Теперь у нас в коллекциях первые монеты, доносящие нам представление современников об императорском облике, прописаны как «Тигровики» и «Матросы».

«Траурный»

Не избежала вольных интерпретаций и супруга нашего первого императора, коронованная еще при его жизни.

Первый рубль Екатерины 1725 года, где она изображена в простом наряде, как на монетах английской королевы, в том же году был заменен на другой, украшенный императорскими регалиями. Кто-то из нумизматов, не удосужившись покопаться в архивах, предположил, что простое одеяние - это знак траура по любимому супругу. Такое предположение не находит никаких положительных подтверждений, легко опровергается документальными свидетельствами, но этот рубль до сего времени коллекционеры называют «Траурным».

Полет фантазии неудержим. Оснований для выводов ему почти не требуется. Во времена увлеченности вельмож устройением красивых минц-кабинетов в личных библиотеках наступает разгул чеканки новоделов - красивых псевдомонет, изготовленных на монетном дворе сохранившимися или вновь вырезанными штемпелями. Композиции самые необыкновенные - все зависит от причуды заказчика.

Один из таких новоделов был изготовлен штемпелями, сохранившимися после нереализованного проекта выделки на Сестрорецких заводах килограммового медного рубля. Суть самого проекта состояла в обеспечении только что появившихся бумажных денег (ассигнаций) медной монетой. Ну а позже Санкт-Петербургский монетный двор оттиснул этими штемпелями серебряные кружки обычного для рублевой монеты размера и веса. Нет, не для обеспечения ассигнаций - для удовлетворения коллекционного спроса.

Остается тайной, кто из нумизматов, сопоставив размещенную на новоделе дату **1771** с датой народного восстания под предводительством Емельяна Пугачева, первым усмотрел здесь какую-то связь. Несмотря на абсурдность предположения чеканки крестьянским вождем собственной монеты, этот новодел так и носит название «Пугачевского» рубля. Более того, по мере разрастания легенды появились фантастические подделки мифической монеты - уже с портретом бородатого мужика в казацкой шапке.

Конечно, перечисленные примеры не относятся к области научной терминологии. Это всего лишь бытовые жаргонизмы, про-

должать перечисление которых можно было бы до бесконечности. Среди императорских рублей есть «Шеи» и «Воротники», множество «Больших» и «Малых» голов, «Широких» и «Узких» бюстов. Особенности портретов царствующих особ отражаются в выражениях «Лисий нос», «Цыганка», «Китаец» и тому подобных. И это только то, что касается рублей, которые взяты здесь в качестве примера. Та же ситуация характерна и для серебра других номиналов, а также золотых и, особенно, медных монет.

Ну а что же нам говорит наука? Ведь по определению, нумизматика - вспомогательная историческая дисциплина. Дает ли она нам альтернативу ненаучному сленгу? В монументальном исследовании монет императорского периода, известном как «Корпус русских монет» великого князя Георгия Михайловича, их описание носит обобщающий характер. Составители современных каталогов (Б. С. Юсупов, В. В. Биткин, М. Е. Дьяков и другие) описывать монеты вообще не стали, ограничиваясь размещением их изображений. В Базовом каталоге Конрос описания лицевых и оборотных сторон в целях облегчения идентификации даны по формальным признакам.

Светлым пятном на этом фоне выглядят работы музейных сотрудников Е. С. Щукиной и В. В. Узденикова, попытавшихся применить в своих исследованиях искусствоведческий подход. Давайте посмотрим, как это у них получилось (сегодня этот же подход увлеченно задействует Ю. П. Петрунин, из работ которого следует отметить исследование рублей Петра Второго).

Медный «Сестрорецкий» рубль.

КТО ТАКОЙ МЕТАЛГЕР?

Первые дореформенные рубли Петра Великого нумизматы разделяют по году выпуска и имени вырезавших на штемпеле тот или иной портрет гравера: «Алексеевские», «Гуэновские» и «Гауптовские». В самом деле, приглашенные в Россию иностранцы Соломон Гуэн и Готфрид Гаупт оставили на некоторых из своих работ собственные инициалы. Кроме того, сохранился ряд архивных документов, содержащих сведения об их деятельности.

Рубль 1704 года - «Алексеевский».

Русский мастер Федор Алексеев известен из тех же документов как выдающийся механик-самородок, стоявший у основания отечественного монетного дела. Его инициалов на монетах нет, но по ряду косвенных признаков искусствовед Е. С. Щукина предположила именно его авторство для портрета царя на самом первом рубле 1704 года. Одним из оснований для такого предположения стало встречаемое в документах наименование Алексеева *металгером*. Все, казалось бы, складно и ладно атрибутировано и в исследовании поставлена жирная точка, тем более, что авторитет Евгении Семеновны заслуженно высок.

Однако знакомство с более широким кругом источников и анализ монетного материала не позволяет согласиться с таким выводом. Алексеев, проработавший на Кадашевском монетном дворе с самого его основания более четверти века, резьбой штемпелей, тем более самым высокохудожественным делом - изображением на них *персон*, не занимался. А *металгер* - это вовсе не медальер, или гравёр, а мастер по работе с металлом, говоря современным языком - механик.

Заслуги Федора Алексеева в только еще зарождающемся монетном деле куда более значимы, чем резьба на штемпельной заготовке. Талантливый механик и организатор (*староста, бурмистр*, позже - *резного дела мастер*), он с *товарищами* подготовил и осуществил сложнейшее для того времени технологическое мероприятие - первый передел серебра в монету. В том числе, изготовление необходимого количества рабочих штемпелей - по несколько десятков для каждого *сорта* (номинала) монеты. И штемпели эти не вырезались вручную, как представляется искусствоведу, а переводились с единой формы (*образцового чекана*), причем с таким высоким мастерством, что повторить столь же полный перевод монетчикам следующих поколений удастся лишь через целое столетие.

На следующей странице дается представление о первых типах дореформенных рублей, в широком обращении не закрепившихся. Можно видеть, что рубли самого первого типа 1704 - 1705 годов изготовлены штемпелями, переведенными с единой формы. Для ее изготовления требовались талантливый механик, кузнец-кудесник, профессиональный резчик по металлу и, главное, высококачественная сталь, называемая в то время *доброй* или *немецкой*. Обеспечение такой сталью было самой большой проблемой инструментального производства всю первую половину XVIII века. Стоила она очень дорого, в десятки раз дороже обычной, и достать ее было очень непросто. В 1720-е годы сталь покупал в Стокгольме В. Н. Татищев. Позже она выписывалась из разных стран, в том числе и для выделки надежных и стойких форм высокооплачиваемыми медальерами Гедлингером и Дасье.

Так вот, возвратимся к *металгеру* Алексееву. Штемпели для первых российских рублей были изготовлены на высшем для того времени технологическом уровне. Обошлись они казне очень дорого. Для резьбы форм, несомненно, был приглашен лучший из доступных резчиков по стали. Конечно, это был не Алексеев. Наш талантливый механик сумел почти невозможное - организовать весь процесс изготовления десятков одинаковых штемпелей, да еще и без специальных переводных станков.

А вот автора портрета необходимо еще поискать. Евгения Семеновна права - в изображениях просматривается русский стиль. Напрашивается поиск художника в списках мастеров Оружейной палаты. Но и приглашение иностранного медальера пока полностью исключать нельзя.

«МОНЕТА ДОБРАЯ» 1700-1706 гг. (рубли 1-2) - так называли монеты первого проекта введения их во внутреннее обращение по норме европейского талера. В условиях отсутствия собственных месторождений серебра такой вариант осуществлен быть не мог, и после смерти Ф. А. Головина был отменен.

У рублей 1704-1705 годов насчитывается более двадцати разновидностей оборотных сторон. Различать их не сложно - по оперению хвоста орла, коронам на его головах, центральной короне, кресту державы, не говоря уже о знаке монетного двора. Штемпелей лицевой стороны должно быть изготовлено примерно столько же. Но отличия между ними столь незначительны (например, завиток локона надо лбом), что выявить их не так просто, а применение в производстве единой формы несомненно.

На следующих типах Петровских рублей (Гуэна и Гаупта) ничего подобного увидеть не удастся. Портретные и орловые штемпели не имеют никаких общих формообразующих признаков.

«МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ» 1707 г. (3-4) - название монет второго проекта, состоявшего в ухудшении пробы серебра (ставшей «неустановочной») при сохранении веса европейского талера. Проект введения «московской» (т. е. внутригосударственной) низкопробной («худой») монеты потерпел крах в том же 1707 году.

«МОНЕТА ДОБРАЯ» 1710 г. (5) - третья попытка в поисках компромисса. Передел ведется из низкопробного серебра, но тиснение - штемпелями, заявляющими - «МОНЕТА ДОБРАЯ». Как и предыдущий, проект отменяется в том же году.

«МОСКОВСКИЙ РУБЛЬ» 1712 г. (6) - четвертая попытка, волюнтаристская. Возвращение ко второму, ранее отмененному варианту, под воздействием жесткого указания царя новому правительственному органу - Сенату. О ее неудаче и переподчинении монетных дворов приказу Большой казны мы уже писали.

Рубль 1714 года (7), самый редкий из типов, по всей вероятности, связан с торжествами по поводу решающего морского сражения при мысе Гангут.

Год смерти первой Российской императрицы отмечен бурными изменениями в монетном деле Российской империи. Данилыч, бывший преданный слуга, уже обернулся в Светлейшего князя Меншикова и олицетворяет собой всю полноту власти Верховного тайного совета. Многим преобразованиям покойного благодетеля и Отца отечества дается обратный ход. Гордость Петра Великого - новый монетный двор, совсем недавно открытый в Северной столице, сворачивает свою деятельность и мастеровые люди вместе со своим хозяйством перебираются в Москву. В Старой столице разворачивается беспрецедентная по своим масштабам операция. Сразу три монетных двора переоборудуются для передела всего лишь одной монеты - легковесного медного пятака, дающего казне четыреста процентов чистой прибыли.

Во всей этой суете теряются события менее значительные, но не менее интересные. Например, в бастионах Петропавловской крепости под личным присмотром Светлейшего велись тайные алхимические опыты по приданию низкопробной серебряной монете полноценного вида, а в Москве на Красном монетном дворе открылась кража чеканов. Может быть, последнее событие не относится к разряду из ряда вон выходящих, но в нашем случае, в воровстве был уличен один из лучших мастеров резного дела Осип Калашников. Для такого рода преступлений наказание предусматривалось только одно - смертная казнь. Но ведь и пользой для дела пренебречь невозможно. Когда еще вырастишь такого мастера? А начинал Осип свое обучение двадцать лет назад у французского мастера Гуэна. Так что, заменили ему смертную казнь на вечную каторгу. И разрешили отбывать ее на монетном дворе, но в кандалах и под караулом.

Беда эта, случившаяся с мастером, обернулась находкой для нумизматов-исследователей. Архивы сохранили челобитные Калашникова с прошениями о помиловании, подаваемые им каждой новой правительнице - Анне Иоанновне, Анне Леопольдовне и Елизавете Петровне. Самой мягкой оказалась дочь Петрова, и в 1742 году дала мастеру Высочайшее помилование. В общей сложности его работа под неусыпным караулом продолжалась долгих пятнадцать лет.

В своих челобитных, как и положено, проситель перечисляет личные заслуги, дающие основания для амнистии. Конечно, полного перечня вырезанных челобитчиком штемпелей мы в них не найдем, но основания для

ряда предположений получим. Например, о принадлежности руке заключенного под стражу мастера одного из первых портретов Анны и московского портрета младенца Иоанна. Получим мы и факт, который можем считать установленным - среди штемпелей с портретом Петра Первого есть работы Калашникова.

На этот факт указала в своих исследованиях Е. С. Щукина. Она убедительно доказала, что относить все портреты 1718-1721 годов, имеющие знаки **ОК**, **КО** и **К** к работам малоизвестного иностранца Отфрида Кенига, как это было принято ранее, совершенно необоснованно. Какие-то из этих знаков с большой долей вероятности принадлежат Осипу Калашникову. В дальнейших рассуждениях исследовательница приходит к выводу, что таковыми являются все три. Таким образом, Калашников занимает место Кенига в роли чуть ли не единственного портретиста этого периода. Был ли он таковым в действительности?

На следующей странице представлены типы портретов Кадашевского (а не Красного, как это ошибочно представлено в литературе) монетного двора первого периода монетной реформы. Логическую связь между имеющимися на портретах знаками и их принадлежностью руке художника найти сложно, а скорее всего и невозможно, поскольку вряд ли таковая есть. Среди «*Портретов в латах*» находятся схожие, но с различными знаками (или без них), и наоборот - с одним и тем же знаком (или без него), но совершенно разные.

Коль связи не было, придумывать ее бессмысленно. Но все же решимся высказать предположение, позволяющее как-то приблизиться к разрешению этой ситуации. Во-первых, отметим, что за всю историю монетного дела нанесение на штемпель или форму авторских знаков ничем не регламентировалось. Их наличие или отсутствие, по всей видимости, более всего зависели от амбициозности исполнителя. Лицо (или лица), скрывающееся за этими знаками, такой чертой характера несомненно обладало. Осип Калашников, судя по тому, что мы о нем знаем, на эту роль вполне подходит. Посмотрим на последний тип - знак **ОК** стоит на некоторых рабочих штемтелях, выполненных с чужой формы (9). И еще. В 1720 году штемпели со знаком **К** заменяются на переведенные с единой формы (6), но со следующего года на части из них появляется этот же знак. То есть все штемпели со знаком **К** вырезаны одним мастером, но первый вариант - авторская работа, а второй - переведенная с чужой формы, но помеченная так же. Отсюда следует, что знак под портретом не обязательно принадлежит его автору.

1

«МОНЕТА НОВАЯ» - так называли первые монеты реформы 1718 года. Они дают наглядную картину ее неподготовленности и спешности проведения. За два с небольшим года более сотни портретов, причем очень разных! Федор Алексеев с помощниками направлен на самое прибыльное для казны дело - передел медных полушек, а руководству Кадашевского двора показалось более выгодным делать много дешевых итемпелей вручную, чем тратиться на дорогие формы и маточники для перевода с них изображений. Красный двор, до этого переделом крупной монеты не занимавшийся, осваивает выделку рублей только в 1719 году, да и то присланным с Кадашевского инструментом. Что же касается авторов портретов, то предлагаем рассмотреть рисунки 1-5. На всех в обреше рукава знак **ОК**. Могут ли все они принадлежать одной руке? Нам кажется, что это исключено.

2

3

4

5

6

7

8

9

В 1720 году монетное дело передается в ведение Берг-коллегии под руководство талантливого инженера и организатора Якова Вилимовича Брюса. Первым делом он закрывает Красный двор, и весь передел серебра концентрируется на Кадашевском. Инструментальное производство переходит на прогрессивную технологию перевода изображений с образцового чекана - формы. Появляется новый тип, называемый «В наплечниках». Теперь можно уверенно говорить о двух художниках-портретистах. Работы первого - это особые рубли 1720 года со знаком **К** (см. рис. стр. 10). На множестве итемпелей второй формы (6) этот же знак появляется только в 1721 году, и только на части рублей. Расположен он в другом, менее удобном для этого месте.

В 1722 году Петр лишается наплечных лент и вновь облачается в латы. Портрет сохраняется, но в надписи появляется императорский титул, а орла на оборотной стороне сменяет монограмма. Явные отличия имеются только у одного редкого лицевого итемпеля, но и они касаются элементов убранства - пальмовую ветвь на груди императора сменяет орденовая лента (7). Авторских знаков на монетах нет, хотя портрет той же руки, что у типа 6. Зато знак **ОК** присутствует на всех рублях следующего типа (8) 1723 года, прозванных «Тигровиками» по причине, о которой уже говорилось. Весь этот тип, при всем многообразии отличий в убранстве и надписи, имеет единые формообразующие признаки портрета. Означает ли это, что сама образцовая форма выполнена Осипом Калашиниковым?

Предположение кажется вполне привлекательным. Хочется его проверить на последнем типе московских рублей. И тут нас ждет разочарование. Знак **ОК** там есть, но в 1723 году на единственном очень редком варианте (9), в 1724 году уже на восьми, а в 1725 году - еще на шести. Проблема в том, что и документы, и сохранившиеся образцы позволяют уверенно относить эту форму к руке нюрнбергского медальера. Что же имел в виду Калашиников, или любой другой мастер, нанося на выполненный с чужой формы рабочий итемпель свои знаки?

КТО ЗАКАЗЧИК?

Если на Петровских рублях знаки резчиков, хотя и не всегда, но присутствуют, то в следующие царствования, вплоть до второй половины правления Елизаветы, таковых практически нет. При этом Осип Калашников, предположительный автор знаков на Петровских монетах, режет штемпели минимум до 1747 года (впрочем, трудно ожидать, что находящемуся под караулом резчику будет позволено оставлять на штемпеле свои инициалы). Знаки пропадают, но из документов по монетному делу следующих царствований - Екатерины Первой, Петра Второго и Анны Иоанновны, можно выяснить многое о трудившихся над их портретами резчиках. Восстанавливать, какая из работ принадлежит тому или иному мастеру, приходится исключительно из особенностей изображений. Наибольшую перспективу в выявлении руки автора имеет датчанин Антон Шульц, проработавший на монетных дворах с 1724 до 1736 годы, и оставивший ряд документальных свидетельств конкретной деятельности. Благодаря этому его работы достаточно уверенно идентифицируются (например, см. статью «Неизвестный рубль 1727 года»). О деятельности других известных из документов мастеров мы уже говорили в книге «Монетное дело Российской империи».

Здесь же рассмотрим этот вопрос с другой точки зрения - какие указания об особенностях императорского изображения получал художник «сверху», и что ему было оставлено на собственное усмотрение. Мы уже видели, как велся поиск ответственными за выпуск монет лицами императорского обличия для монет Петра Первого, и как был *оставлен* не соответствующий представлению о царском величии «Траурный» рубль Екатерины Первой. С оформлением рублей третьего по счету императора было и проще, и сложнее. Меншиков, от лица императора, указал делать их *таким подобием*, какое было у рублей Петра Великого, только заменив везде 1 на 2. Что такое *подобие* он тоже разъяснил - с *лавровым венцом* и в *прочем*. А вот в каком конкретно *прочем* исполнении следует резать портрет нового императора, Светлейший разжевывать не стал - разбирайтесь сами. Вариантов монетчики знали немало. Чтобы их понять, достаточно взглянуть на ряд Петровских монет, представленный на странице 11, и добавить к нему «Солнечники» С-Петербургского двора.

В результате появляется портрет (1-2) в том же убранстве, что и у «Матросы», но «В наплечниках». Для отличия от типа следующего года, у которого надпись над головой сомкну-

та (3-4), нумизматы называли его «Голова разделяет надпись». По этому броскому признаку разделены монеты в руководстве Ильина - Толстого. Признак выбран явно неудачно, что не позволило исследователям разглядеть существо изменений. К счастью, сохранилась уникальная монета 1728 года, которая дает возможность эту суть выявить.

Штемпельный анализ показывает, что она попала во второй тип благодаря перерезке известного штемпеля первого типа 1727 года.

Уверенной рукой мастер срезал верх прически и сомкнул надпись над портретом, на левое плечо накинул плащ, перерезал ленты наплечников, а на груди «нацарапал» андреевскую звезду. От основных признаков первого типа остался только бант в волосах (на втором типе его заменят ленты, как у «Солнечника»). Композиция приблизилась к «Матросу» (плащ и надпись), ленты на плече стали как у Петра Великого, а вот звезда, вероятно, относится уже к новым требованиям заказчика.

1

2

Отличительными признаками рублей Петра Второго первого типа, кроме разомкнутой над головой надписи, являются: бант под лавровым венком, отсутствие Андреевской звезды на плаще, отсутствие складки плаща на левом плече и гладкие ленты наплечников с тремя фестонами над ними. Исключение составляет единственная довольно редкая разновидность с очень узкой головой, без банта и с украшенными лентами.

Первый тип печатают и С-Петербургский (1), и московский Кадашевский (2) монетные дворы (Красный двор в это время восстанавливается под передел легковесного медного пятака). Есть интересная особенность, которая прослеживается и на монетах предыдущего царствования Екатерины Первой. Несмотря на то, что главный резчик находится в Северной столице и в Москву посылаются «готовых штемпелей пара, которые вырезывал Шульц», московские рубли выгодно отличаются от петербургских профессиональной работой. Но если при Екатерине Первой Кадашевский двор активно использует переводную технологию, то при Петре Втором рабочие штемпели на обоих дворах вырезаются вручную, как в первые годы реформы 1718 г., и отличаются портретным разнообразием.

3

4

С 1728 года в серебряном переделе остается единственный Кадашевский монетный двор. Штемпели первого типа он продолжает использовать до их полного износа в 1729 году, что свидетельствует о рекомендательном характере вводимых изменений.

Но основная масса монет 1728 года печатается штемпелями второго типа (3). На них надпись над головой сомкнута, у основания венка ленты, на левом плече складка плаща, на груди Андреевская звезда, а ленты наплечников чешуйчатые. Однако и внутри него встречаются разновидности, у которых отсутствуют - то звезда, то ленты под венком, что, несомненно, вызвано невнимательностью резчика.

Особый интерес представляют два штемпеля 1729 года (4), которые, так же как и рассмотренный на предыдущей странице штемпель 1728 года, перерезаны из штемпелей первого типа. Но теперь на рекомендации обращено меньше внимания. Резчик ограничился перегравировкой надписи над головой, не удосужившись доработкой других формальных отличий. Эти варианты, конечно, относятся к первому типу 1727 года, но по наиболее бросающемуся признаку - сомкнутой над головой надписи, попали во второй.

Качественный инструмент, пригодный для перевода изображения на два десятка рабочих штемпелей, будет изготовлен Антоном Шульцем только в последний год правления мальчика-императора (у коллекционеров этот портрет получит прозвище «Лисий нос»). По оформлению головы он отличается от последнего типа московского рубля Петра Первого только длиной волос (5). А вот в убранстве бюста изменения куда более ощутимы. Под лентами наплечников теперь латы, на левом плече ленты, но самая бросающаяся деталь на груди - орденская лента с Андреевским крестом, сменившим почти незаметную звезду, присущую второму типу.

Так кто же он, этот заказчик, требующий от резчиков изменений в оформлении портрета, уловить смысл в которых они никак не могли? По логике событий, таковым должен быть сам Император и Самодержец Всероссийский.

5

Титул грозный, но обладал им двенадцатилетний мальчик, доносивший свою волю правительству через своих опекунов Долгоруковых, сменивших в сентябре 1727 года опротивевшего Светлейшего князя.

1734 год стал самым богатым с точки зрения иконографии рублевых монет. Желая иметь в своей коллекции все варианты портрета Анны Иоанновны с этой датой придется немало потрудиться и еще больше потратиться. В небольших количествах, но были отпечатаны рублевые монеты с двумя типами портрета предыдущих лет - образца 1731 года, называемого «С брошью на груди», и образца 1733 года - «Без броши». Наибольшее количество, судя по встречаемости, было изготовлено рублей того типа оформления портрета, который в 1734 году закрепился и уверенно продержался в роли единственного до самого закрытия Кадашевского монетного двора в 1737 году. Этот последний тип получил у коллекционеров целый ряд обидных прозвищ: «Узкий лоб», «Лошадиное лицо», «Ведьма» и уже упомянутое - «Цыганка».

Но самой интересной, наверное, является серия рублевых монет с особыми портретами, присущими исключительно 1734 году - ни до, ни после указанной даты этот набор штемпелей не использовался. Внутри этой серии мы находим несколько необычных портретов. Попытки их как-то систематизировать и дать наименования предпринимались коллекционерами неоднократно. Вначале были выбраны наиболее видимые отличительные признаки - по размеру головы и элементу, разделяющему надпись над головой императрицы. Появилось первое деление: «Голова больше, корона разделяет надпись» и «Голова меньше, крест короны разделяет надпись». Однако, тут же выяснилось, что монеты с надписью, разделенной крестом короны, встречаются с головой большего и меньшего размеров. Да и вообще, «больше - меньше» - понятия относительные, атрибутировать с их помощью предмет - занятие непростое.

Попытку выправить ситуацию предпринял сотрудник отдела нумизматики Государственного исторического музея В. В. Уздеников. Василий Васильевич исследовал иконографию Аннинских рублей в одном из своих очерков, ввел несколько новых наименований и использовал их в справочнике «Монеты России 1700-1917 годов». Два из этих названий относятся к интересующему нас ряду монет 1734 года: «Царственный» портрет - тот, у которого надпись разделена короной императрицы, и «Лирический» портрет - с надписью, разделенной крестом короны и головой побольше.

«Царственный»

«Лирический»

Почему первый вариант назван «Царственным» понять можно, об этом будем говорить дальше. Возможно, лирические настроения присутствуют и во втором из вновь наименованных вариантов, но это уже дело вкуса и воображения. Но как понять, что в перечне отсутствует наиболее распространенный из вариантов рассматриваемого ряда - с надписью, разделенной крестом короны и головой поменьше?

Незванный

Может быть подразумевается, что эта разновидность принадлежит «*лирической*» группе портретов? Формально, так оно и есть, поскольку оба типа имеют общий признак - разделенную крестом надпись. Но уж очень по разному передают художники в этих работах образ императрицы (в том, что портретные формы принадлежат разным мастерам, сомневаться трудно). Так что же имел в виду автор нового термина? Что оба варианта, хотя и столь различные, объединены общим художественным признаком - идеализацией образа правительницы? (как известно из воспоминаний современников, Анна благородством черт не отличалась).

Допустим. Тогда получается, что вся группа штемпелей с особыми портретами 1734 года делится на «*Царственные*» и «*Лирические*». В этом есть своя логика. Штемпели, на которых корона на голове императрицы разделяет круговую надпись, несомненно, явились результатом известного из документов указания директора Монетной конторы М. Г. Головкина, полагавшего, что такое нововведение подчеркнет царское величие. И вот новые рубли поступили с монетного двора. Трудно сказать, стал ли образ Анны более величественным, но вот менее привлекательным - это точно. В скором времени (вероятно, тоже по указанию) корона возвращается на место, а образ императрицы облагораживается. Подытожим: группа штемпелей с выделяющейся короной - «*Царственные*», остальные - «*Лирические*».

Беда в том, что на сегодняшний день известны редкие разновидности, которые под это правило не подпадают. Корона надпись разделяет, но портрет идеализирован; и наоборот - корона расположена ниже, но портрет того же стиля, что и на «*Царственном*» типе.

Как нам называть вот эту разновидность?

Может быть, «*Царственно - лирической*»? Ну а следующую, на которой ничего ни царственного, ни лирического не присутствует?

Положение усугубляется тем, что в тех же работах автор ввел новый термин для еще одного рубля 1734 года, назвав один из портретов следующего монетного типа (1734-37 гг.) «*Идеализированным*».

Как уже говорилось, на нумизматическом сленге весь этот последний тип оброс рядом обидных прозвищ, указывающих на его неидеальность. Правда, выделенный автором термина портрет в самом деле отличается от других довольно неприглядных вариантов в лучшую сторону. Но не он один. Среди сотни с лишним его разновидностей есть и довольно удачные. Их все, видимо, следует называть «*идеализированная цыганка*»?

Таким образом, хотя новая терминология выгодно отличается от сленговых названий в плане языковой культуры, ее вряд ли можно признать удачной. Здесь виден тот же элемент упрощения, ведущего к искажению общей картины развития портретной иконографии.

Ошибки исследователя состоят в следующем. Во-первых, для одной группы портретов применены два разных принципа атрибуции. «Царственный» - по расположению короны, «Лирический» - по художественному образу. Отсюда возникает путаница - ряд монет подпадает под обе категории, а некоторые ни в одну из них не входят. Во-вторых, разделение по принципу художественного образа получило продолжение. Согласитесь, что грань между понятиями «Лирический» и «Идеализированный» весьма условна. По логике, должны последовать находки рублей с портретами: «Реалистический» и «Романтический», затем «Героический», «Эпический», «Стойкий» и тому подобными. Если кто-то думает, что это шутка, спешим разуверить. В богатой аннинской иконографии разнообразие портретов еще большее, чем число возможных эпитетов.

Представляется более целесообразным выделять монетные типы и присваивать им названия только после глубокого комплексного анализа нумизматического материала всего царствования. А материал этот должен включать в себя не только сами монеты, но и документы по монетному делу. Тогда можно выявить те изменения, которые обусловлены факторами нормативного характера и те, которые относятся к разряду случайных. Можно увидеть следы, отражающие борьбу за политическое влияние в придворной среде. Можно попытаться проследить руку того или иного медальера. И уже после всего этого - подумать о наименовании монетного типа.

И еще одно обстоятельство, которое относится к определяющим, но исследователями совершенно игнорируется. Оно затрагивает особенности инструментального производства, присущие определенному монетному двору в определенный период его деятельности. Без понимания того факта, что штемпель - это рабочий инструмент, а не художественное произведение, исследователь монетной иконографии приходит к абсурдным выводам. Впрочем, желающие подробнее узнать об инструментальном производстве, могут прочесть «Монетное дело Российской империи».

Массив Аннинских рублей дает великолепную возможность наглядно изучить указанное обстоятельство. За короткий десятилетний период их выпуска можно проследить подъемы и падения инструментального мастерства на завершающем свою деятельность московском Кадашевском дворе, отладку технологических приемов на временном С-Петербургском, и их дальнейшее совершенствование на вновь от-

крывшихся дворах в обеих столицах.

В первом приближении смена иконографических типов рубля Анны Иоанновны представлена на следующей странице. Названия монетных типов сохранены такими, какими они существуют уже более столетия. Возможно, и даже наверняка они не самые удачные, но пересматривать их кажется преждевременным. Единственное, хотелось бы исключить из нумизматической терминологии надуманную «Копию Дмитриева» и называть рубли Красного двора «Гедлингеровскими», какими они являются в действительности. Ну и возможно, петербургские рубли стоило бы называть по именам медальеров - первый тип «Фуксовским», второй - «Лефкеновским».

О принадлежности первых портретов 1730-1731 годов (1-3) руке того или иного резного дела мастера мы уже писали. Здесь можно повторить, что автором портрета первого типа можно предположить Осипа Калашникова, а третьего - Антона Шульца. Что касается самого профессионально выполненного второго типа, то, скорее всего, его автор не состоял в числе штатных сотрудников монетного двора, список которых известен по документам. Но хватало и мастеров, работающих по договору временного найма, так что поиск не представляется безнадежным.

В портретном разнообразии следующих типов рублей 1731-1734 годов (4-6) можно выделить отдельные группы, вероятно, принадлежащие одной руке. Прежде всего, это касается штемпелей с наиболее привлекательным портретом, называемым «Большая голова» (4). Также можно отметить несколько портретов с особой прической. Систематизация же по признаку художественной образности, как уже говорилось, не представляется возможной.

Та же картина сохраняется и у рублей типа 1734-1737 годов (8). Кроме «Идеализированного», известен еще «Васильевский» рубль. Так названы два штемпеля, на которых обнаружен литерный знак **В**, размещенный в нижнем наплечнике. Васильев - единственный из известных инструментальщиков монетного двора с фамилией, начинающейся на эту букву. Хотя, по документам, Васильев штемпели не резал, авторство портрета приписывается ему.

В последние годы правления с портретным разнообразием удастся покончить. Все штемпели 1738-1740 годов выполнены только с трех форм: в Москве - с Гедлингеровской (9), а в С-Петербурге с двух форм местных главных медальеров: Фукса (10) и Лефкена (11).

Первые рубли 1730-1731 годов (исключая редчайший тип с очень большой головой, считающийся пробным), имеют три явно выраженных портретных варианта. По формальным признакам первый атрибутируется как «Корсаж не параллелен окружности», у второго, соответственно - «Корсаж параллелен», и третий, с таким же как у второго корсажем - «Без локона за ухом». Все три портрета выполнены профессионально, но особого внимания заслуживает второй. Это один из лучших портретов Анны, и выполнен он на форме из дорогой «доброй» стали, с которой удался перевод на несколько десятков рабочих штемпелей.

1

2

3

Уже в 1731 году появляется новый портретный тип, продержавшийся до 1733 года. Его называют «С брошью на груди» (4-5). Интересно, что внутри этого типа находится вполне художественный вариант, не вполне удачно называемый «Большая голова» (4). Он выполнен на форме, с которой переведено не менее семи рабочих штемпелей. Остальные портреты этого типа, также как и следующего, введенного в 1733 году «Без броши на груди» (6), значительно уступают ему в художественном исполнении, а некоторые просто уродливы. Тем не менее стоит отметить, что и среди сотен штемпелей этих типов есть довольно привлекательные.

4

5

6

7

О рубле 1734 года стоит добавить, что среди типов с короной, разделяющей надпись, самая большая голова у редчайшего варианта с десятью жемчужинами в прическе (7). Как уже говорилось, почти столь же редкий портрет руки того же мастера, но с малой головой, попал в «Лирические». Уже упомянутый новый тип 1734 - 1737 годов (8) по разбросу уровня мастерства резчиков несколько не уступает типам 5-6.

8

9

И вот наконец, рубль того типа, начиная с которого производ в инструментальном производстве заканчивается. Автор формы - специально приглашенный для осуществления этого мероприятия знаменитый шведский медальер швейцарского происхождения Иоганн Карл Гедлингер. Этот тип - несомненный лидер по абсурдности научных выводов о своей истории. Подробности желающий может узнать из уже упомянутых источников, но основной вывод ученых стоит повторить. Якобы, в 1736 году штемпели для пробного передела временного монетного двора в С-Петербурге вырезал Гедлингер, а со следующего года множество точных копий в Москве повторил ученик Лукьян Дмитриев. Комментарии излишни.

10

В действительности гедлингеровская форма вместе с обучавшимся у мастера учеником Дмитриевым была передана в Москву на вновь открытый Красный монетный двор, где отработала до самого конца царствования. В С-Петербург на новый двор в качестве главного медальера был приглашен Генрих Фукс. Его форма (10) продержалась 1738-39 годы, после чего была заменена формой сменившего его Тимофея Лефкена (11).

11

КТО ВЫРЕЗАЛ ОРЛА «ДАСЬЕ»

Многие гербовые орлы на монетах императорского периода, как и портреты царствующих особ, имеют у нумизматов свои названия. Здесь также есть и довольно обидные клички-прозвища: «Пчелка», «Курица»; и нейтральные названия: «Московский» - «Петербургский», «Старый» - «Новый»; и носящие имена известных медальеров: «Гедлингер», «Дасье».

О вырезанной Иоганном Карлом Гедлингером портретной форме для рублей Анны Иоанновны мы уже говорили. Отработав пробный передел 1736 - 1737 годов на временном дворе в С-Петербурге, она перебралась в Москву, где отслужила до смерти императрицы. А вот орловая форма осталась в Северной столице. Она вместе с портретной выдержала пробный передел на временном дворе, но ни в Москве, ни на вновь открытом в Петропавловской крепости монетном дворе в это царствование больше не использовалась. Можно было бы предположить ее поломку, но через сорок лет на С-Петербургском дворе мы вновь встречаем орла «Гедлингера» на рублях образца 1777 года. Этот же орел в 1788 году попадет на пятаки Сузунского медного двора через присланные из С-Петербурга маточники. Он же будет красоваться на Банковском рубле Павла 1796 года и участвовать в «Павловском перечекане» легковесных десятикопеечников.

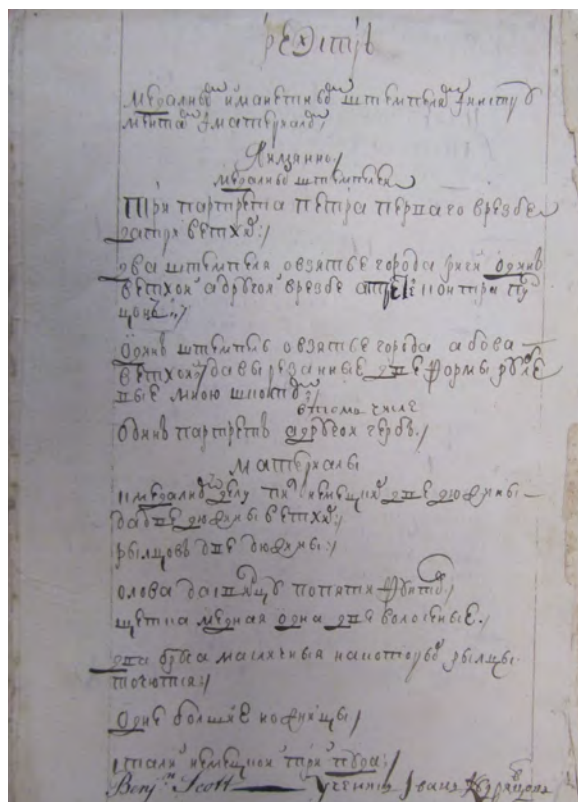
Гедлингер за короткий срок пребывания в России сделал огромную работу - изготовил целую серию медальных и монетных форм, плюс государственную печать. Правда, маэстро привез с собой ученика по фамилии Ферман, который выполнял второстепенную работу. Поэтому не исключено, что орел «Гедлингера» может оказаться орлом «Фермана». Конечно, без наличия подтверждающих документов это только предположение.

По-иному дело обстоит с орлом «Дасье». Маститый швейцарский медальер Жак Антуан Дасье представлял известнейшую в Европе фирму, престиж которой тогда был столь же высок, как, например, сегодня у фирмы «Пьер Карден». Можно себе представить, как хотелось красавице и моднице Елизавете иметь собственный портрет работы такого мастера на своих же монетах и медалях. Пригласить его в Россию было делом непростым, да и деньги он запросил огромные. Но тут уж не до экономии. В результате за несколько вырезанных портретных форм художник получил целое состояние.

При тиснении золотых империалов с портретом, выполненным рукой швейцарского

мастера, для гербовой стороны был использован обычный штемпель. А вот серебряный рубль с портретом его же работы получил на обратную сторону нового орла, который теперь называют «Дасьевским». Назвать-то можно, но как объяснить, что художнику такого уровня было поручено столь странное задание, и почему он так плохо его исполнил. Орел явно не дотягивает до вершин изобразительного искусства. Но в отличие от «Гедлингеровского», с 1757 года он прочно занял место в переделе не только серебряных рублей, но и медных пятаков, выпуск которых был начат в следующем году. Орел уверенно переходит и на монеты следующих царствований - Петра Третьего и Екатерины Второй. И еще одно обстоятельство. Впервые он применяется не с портретом работы Дасье, а с предыдущим типом работы Скотта. Так может быть, автором новой образцовой формы является Скотт?

К счастью, такое предположение находит себе документальное подтверждение и переходит в разряд обоснованных. В архиве Музея истории денежного обращения Конрос имеется копия реестра, в котором Скотт производит расчет стоимости использованных им материалов на конец 1753 года.

В число работ, выполненных им лично, медальер включил две формы для рублевой монеты, «*в том числе один портрет да другой герб*». Портрет «отработал» с 1754 года до приезда Дасье, а орел - с 1757 года и до полного износа через два десятилетия.

1

2

ПОРТРЕТ И ОРЕЛ РАБОТЫ К. ГЕДЛИНГЕРА

Портретная форма (1) отработала на Красном дворе со времени его открытия после капитального переустройства в 1737 году и до конца царствования. Гербовая форма (2), кроме пробного передела на временном дворе в С-Петербурге, применения в Аннинское правление себе не нашла. Тот же орел появляется только через сорок лет, на рублях Екатерины Второй (3), а копия прослеживается до времени правления ее внука - Александра Первого (5).

3

4

5

6

7

8

9

10

ПОРТРЕТ И ОРЕЛ РАБОТЫ Б. СКОТТА

Портретная форма рубля (8) продержалась только четыре года, не выдержав конкуренции с работами Дасье и Иванова. Но вот на полтинах и золотых имперIALах и полуимперIALах сделанные Скоттом формы сохранялись до конца царствования. Гербовая же форма (9) отработала до полного износа - почти двадцать лет, и сменилась... «Гедлингерской».

О том, что будущие нумизматы «обидят» амбициозного медальера, приписав ему авторство герба весьма посредственного уровня исполнения, Дасье, конечно, знать не мог. Обидели его в России куда более основательно. Принят он был хорошо, деньги свои получил полностью, но вот все работы были отвергнуты. Дело в том, что его представления об идеале женского образа сильно разнились от понятий царствующей заказчицы. Елизавета в качестве такового принимала только свой, доставшийся от великого отца. Особо гордилась она своей роскошной фигурой, имея, по воспоминаниям современников, для этого все основания. Женщина не злая, она была непреклонна, а временами и жестока к любым проявлениям безвкусицы (с ее точки зрения), за что пострадали многие из придворных дам.

И что же она получила, заплатив модному иностранцу огромные деньги? Посмотрите на монету, и увидите сами. Где здесь достоинства, присущие русской красавице? О чувствах Елизаветы, впервые узревшей свой портрет работы великого медальера, можно судить из указа 1758 года об изготовлении очередной партии золотых империалов. В указе особо оговорено: *«дабы не последовало гнева»* делать их надлежит *«не так, как присланные перед сим тысяча империалов неисправно сделаны»* (т. е. работы Дасье). В дальнейшем империалы печатаются старыми штемпелями с портретом работы Скотта.

Рубли с портретом работы Дасье продержались в монетном переделе немногим дольше - всего три месяца. В ноябре того же 1757 года следует указание изготовленные по его форме штемпели *«отставить»* и вернуться к варианту *«в сборе и в одежде»*, которые были на рублях 1755 года (работы Скотта).

Не лучше дело обстояло и с портретной формой, вырезанной мастером для медальных штемпелей. Использована она была единственный раз для медали на открытие Московского университета, а затем долгое время пролежала на монетном дворе без употребления. Даже через полвека после изготовления состояние ее было настолько хорошее, что не отличающийся особой щепетильностью Якоб Рейхель выполнит с нее новодельный штемпель, всего лишь заменив подпись Дасье на свою собственную. Можно представить себе и чувства художника, возвращающегося из щедрой и гостеприимной, но не принявшей его работ России.

Рубль «Дасье»

Не хочется верить, что именно это стало одной из причин преждевременной смерти великого мастера, но скончался он в дороге, во время своего возвращения в Европу.

Но правда ли, что Дасье выполнил в России только одну форму для рублевых монет? Знаки на монетах такое мнение подтверждают, а вот документы по монетному делу - решительно опровергают. В том же ноябрьском указе, где говорится о прекращении тиснения рублей штемпелями Дасье, мастеру предписывается сделать новые. Более того, в январе 1758 года императрице представлен новый вариант рубля, выполненный тем же *«медальером Дассиером»*. То есть, заявлено совершенно недвусмысленно, что приглашенный мастер вырезал вторую рублевую форму. Но где же она? Еще раз обратимся к монетному материалу и рассмотрим его более внимательно.

В самом деле, как давно известно, в том же 1757 году в С-Петербурге появляется новый тип, в точности соответствующий выданному Дасье предписанию (стр. 21). Он явно усредняет собой два предыдущих типа - при тех же чертах лица, что и на портрете работы Дасье, Елизавете возвращается привычное убранство бюста. Но ведь на всех штемпелях этого типа под портретом знак **ТІ**, принадлежащий Тимофею Иванову.

Здесь мы видим ту же особенность, которую уже наблюдали в предыдущих случаях. Тимофей Иванов ставит свои инициалы на рабочих штемпелях, выполненных с формы Дасье. Возможно, такое положение устраивает обоих - и учителя и ученика (обучение входит в условия контракта), но все же следует признать, что так называемый *«Ивановский»* портрет в действительности является вторым вариантом портрета работы Жака Дасье.

1

ВТОРОЙ ВАРИАНТ ПОРТРЕТА ДЛЯ РУБЛЕВОЙ МОНЕТЫ РАБОТЫ Ж. ДАСЬЕ

Так называемый «Ивановский» тип имеет три разновидности. Первая (1) отличается тем, что под короной императрицы четыре жемчужные нити, как это было на «Скоттовских» рублях. Две следующих разновидности (2, 3) этих нитей не имеют (отступая тем самым от требований ноябрьского указа 1757 года) и отличаются между собой лишь длиной локонов прически. Первая разновидность появляется в 1757 году и является самой редкой из всех типов этого года, включая тип «Дасье». В 1758 году печатаются рубли с портретом первой и второй разновидности, но вторая более редка.

Теперь обратимся к документам. В октябре 1758 года Елизавета дает согласие на очередное изменение, утвердив присланный «портрет» без надписей. О чем идет речь? Пробный рубль этого года работы Юдина утверждения не получил, но появился второй вариант «Ивановского» портрета (2). Парадокс, но только теперь вторая форма Дасье очищается от искажающих портретную линию добавок на рабочих штемпелях - жемчужных нитей, возвращая нам созданный медальером образ.

Делаем обоснованный вывод. На первом этапе Иванов добавил на рабочие штемпели к полученному с формы Дасье портрету жемчужные нити (как того требовал указ), исказив тем самым общую композицию портрета, и поставил свои инициалы. На втором этапе он ограничивается только инициалами, сохраняя авторскую форму Дасье. Против такой мелочи, как жемчуг, Елизавета не возражает, главное - бюст сохранен.

2

3

4

ПОРТРЕТЫ РАБОТЫ Ж. ДАСЬЕ НА МЕДАЛЯХ

Но этим дело не ограничилось. История с оставленным в России штемпельным инструментом продолжилась и после смерти Жака Антуана. Швейцарский медальер, конечно, не мог предполагать, что выполненная им форма для второго типа рублей (1-3) будет использована и для тиснения более тридцати тысяч наградных медалей для участников сражения при Кунерсдорфе в 1759 году «ПОБЕДИТЕЛЮ НАД ПРУССАКАМИ» (единственный случай за все царствование Елизаветы). Вряд ли его бы обрадовало, что под выполненным с его формы портретом будет красоваться подпись **ТІМОФЕЕВ** (резал Тимофей Иванов).

И уж совсем добил прославленного художника Якоб Рейхель, который еще через полвека, желая получить академическое звание, выполнит с другой его формы (4) свой штемпель - сотрет **DASSIER** и поставит **REICHEL**.

(см. статью «Миф о точном копировании штемпелей»).

ПЛОДЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА

Еще в начале 1759 года между «медальерными мастерами» Юдиным и Ивановым были распределены обязанности - первому поручалось резать штампы медалей и образцовые формы для монет, второму - «*быть у исправления монетных штампов с достальными учениками, и крайне наблюдать, дабы те монетные штампы исправною и чистою работою вырезаны были*».

Вот в этом качестве и застаёт двух ведущих медальеров С-Петербургского двора смена царствований, пришедшаяся на рождественские дни конца 1761 года. Уже через месяц, в конце января следующего года только что взошедшему на престол Петру Третьему представляется на утверждение оттиск рублевой формы (*абдрук*) с его портретом и образец нового штампа оборотной стороны.

Портрет свежее испеченному императору очень понравился - похож на любимого Фридриха, прусского короля, всегда бывшего примером для подражания. Петр тут же дает указание - как можно скорее изготовить пятьсот, а лучше тысячу рублевых монет для него лично, раздавать приближенным - пусть и они порадуются.

У него вообще все кипит. Дел - просто гора, и разбирается она вся сразу, в лихорадочной спешке. Указы, последние годы лежавшие под спудом у тяжело больной и впавшей в апатию Елизаветы, выскакивают из императорского Кабинета, как горячие блинчики со сковородки. Многие из них касаются монетного дела. Требуется удвоить количество имеющейся в государстве медной монеты, и сделать это самым выгодным для казны способом. Берем, к примеру, медную копейку с вензелем Елизаветы, кладем под пресс - и вот уже на ней красуется: «две копейки». А если положим грошевик - то четыре, а пятак - получаем сразу гривенник. Жаль, что с серебряной монетой такой фокус не пройдет. Придется уменьшить вес и пробу ненамного, чтобы в глаза не бросалось. Для этого все имеющиеся у населения серебряные монеты, выпущенные за время правлений от Петра Великого до Елизаветы Петровны, следует изъять, переплавить, и облегченные кружки запечатать новыми штампами. Нет, не с собственным портретом, а с теми *персонами*, которые были на монетах прежде.

Монетчики в растерянности - они и так перегружены работой над штампами для монет множества новых проектов (не говоря

уже о медалях), а тут еще надо обеспечить монетный передел рабочим инструментом с *персонами* всех прежних императоров! Затребованная императором тысяча рублей с его собственным портретом передается в Кабинет уже через неделю после указа. Но это капля в море, а что делать дальше? Передел серебра остановлен. Казна задерживает платежи, а армия требует обещанных денег.

Только во второй половине мая 1762 года следует указ о скорейшем изготовлении монетными дворами рублевой и полтинной монеты, разрешающий ее тиснение штампами с портретом нового императора. При этом предписано, чтобы поступающие в переплавку монеты с портретами выпустивших их монархов строго учитывались, а после изготовления штампов с прежними изображениями их количество должно быть восстановлено. Но угнаться за сменой правителей медальерам не удастся. В конце июня - очередной дворцовый переворот, и вот уже новое царствование.

Теперь посмотрим, какое же наследие досталось любителям рублей российских императоров после бурных перипетий короткого правления Петра Третьего. В «Корпусе русских монет» великого князя Георгия Михайловича представлены две редчайшие пробные монеты, выполненные одним штампом лицевой стороны и двумя оборотными. На оборотной стороне одного из них - монограмма, как у старших Петров - Первого и Второго, на обороте другого - орел предшествующего царствования, как у всех женщин-императриц. Портретный штамп обеих монет один, и выполнен он Юдиным, о чем свидетельствует еле заметный знак **СЮ** в рукаве.

А имеющиеся в любительских коллекциях рубли, сохранившиеся после обращения, знаков резчиков не имеют, и делятся на две разновидности в зависимости от знака монетного двора под портретом - «*московский*» и «*петербургский*». На оборотной стороне того и другого гербовый орел, портреты, хотя и имеют некоторые отличия, очень схожи. Более существенны их отличия от портрета на пробном рубле со знаком **СЮ**. Это дает возможность предположить, что образцовый инструмент, использованный для изготовления рабочих штампов, изготовлен Тимофеем Ивановым. Посмотрим, так ли это?

Вернемся к архивам. На следующий день после одобрения императором присланных ему образцов президент Берг-коллегии Иван Шлаттер рассылает столичным монетным дворам подробнейшие указания. В С-Петербурге

1

2

требуется заготовить маточники (*контр-пун-цонны*) для обеспечения будущего монетного передела штемпелями. Один из них нужно передать в Канцелярию для хранения, часть отослать на монетный двор в Москву, остальные использовать *здесь* для накопления *запаса* штемпелей. Монеты не печатать, но быть полностью готовыми к сроку, когда поступит распоряжение о начале передела. Дополнительно разъясняется, что рабочие штемпели должны иметь надпись «Петр III. Б. М. Император и Самодержец Всероссийский», а для оборотной стороны сохранить те же герб и надпись, какие были на монетах Елизаветы (то есть орла). Изготовление маточников и штемпелей поручается персонально Юдину и Иванову.

Все это мы видим на монетах - Юдинская форма на пробных рублях и переведенные с нее через маточник на рабочие штемпели портреты московского (1) и петербургского (2) типов. На пробном рубле рисунок очень плоский, с резко очерченным контуром. Московский портрет приобретает объем, но пока еще с ним схож. Портрет на рублях со знаком **СПБ** еще более выпуклый; он настолько удаляется от своего прообраза **СЮ**, что кажется принадлежащим другому автору.

Наблюдательный читатель может заметить, что та же трансформация происходит и с орлом на гербовой стороне. В Москве рубли не печатали уже четыре года и орла с выполненной Скоттом формы там не было. Его переводят на рабочие штемпели присланными из С-Петербурга маточниками. В сравнении с петербургским, московский орел уплощенный и выглядит грубовато - *наблюдать за исправлением штемпелей* в Москве Иванов не может.

Так кого же считать автором портрета на выпущенных в обращение рублях Петра Третьего? Юдин выполнил плоский контурный рисунок, которому Иванов придал объем и пластику. Форма Юдинская, но в нашем случае Ивановское вмешательство слишком велико, чтобы с ним не считаться. Может быть назвать этот вариант плодом коллективного творчества - Юдинско-Ивановским?

И еще один очень интересный вопрос. А

что у нас с той тысячей рублевых монет, которые были переданы императору в начале февраля, то есть более чем за три месяца до начала массового серебряного передела? Можно ли эти монеты как-то отличить, или они растворились в общей массе обращения? Оказывается можно, если внимательно изучить документы и сопоставить их с монетным материалом.

Так вот, по поводу этой тысячи подносных рублей президент Берг-коллегии дает министру С-Петербургского монетного двора Назару Кутузову особый указ. Их надлежит сделать *с крайнем поспешанием*, пониженного по сравнению с рублями Елизаветы веса и пробы, но *самой чистой и искусной работы*. Далее Шлаттер разъясняет, что печатать эту партию монет надо *новым апробованным Его Императорским Величеством штемпелем*.

Таким образом, последовательность событий, связанных с переделом серебра в монету этого короткого царствования следующая. 30 января 1762 года тридцатитрехлетний император Петр Федорович, как обычно, с восьми до одиннадцати утра слушает доклады высших государственных сановников. Встает он всегда в семь, под бой курантов Петропавловского собора, и ко времени приема докладов уже одет в желтые камзол и брюки, сапоги с заостренными носками и зеленый короткий кафтан, украшенный прусским орденом. Волосы на голове плотно приглажены, собраны с боков в две большие пукли и сильно напудрены. Самый важный вопрос дня - назначение главы личной канцелярии (тайного секретаря), а самый приятный - *апробация* представленных ближайшим доверенным лицом, генерал-прокурором Сената Александром Ивановичем Глебовым образцовых оттисков нового рубля. Один из них, *абдрук*, сделан с портретной формы работы Юдина, пока еще без надписи вокруг портрета, другой - со штемпеля с монограммой, какой она была у двух других ранее царствовавших тезок. Посовещавшись, император и генерал-прокурор решают, что на монетах следует сохранить то же написание титула и оставить тот же герб, какими

3

они были в царствование Елизаветы. Вероятно, это была инициатива Глебова, поскольку переданное им от лица Петра Третьего в Сенат указание «*как скоро можно до 500 или до 1000 рублей внести Его Императорскому Величеству*», более похожа на уступку во исполнение пожелания Е.И.В. получить для себя хоть сколько-нибудь монет не утвержденных, но более представительных - со своей личной монограммой. Как бы то ни было, через неделю, седьмого февраля, тысяча монет, изготовленных *новым апробованным Е. И. В. штемпелем*, поступают в Кабинет Е.И.В. Как уже говорилось, только в мае столичные монетные дворы начнут работать с полной нагрузкой, переделывая старые монеты в новые - с портретом Петра Третьего, но теперь уже с орлом на оборотной стороне.

Логичный вопрос - где теперь монеты из поднесенной императору тысячи? Они должны быть напечатаны рабочим штемпелем с портретом «Юдино-Ивановским», то есть более выпуклым, и иметь крестообразную монограмму на оборотной стороне.

В книге «Подделки российских монет» мы уже говорили о необычном новоделе рубля Петра Третьего (3). Коротко напомним: среди новодельных (то есть изготовленных монетным двором, но в более позднее время) рублей с монограммой императора на оборотной стороне встречаются две резко отличающиеся разновидности. Обе выполнены одной и той же штемпельной парой, но у первой (более редкой) гуртовое оформление и особенности фактуры соответствуют таким же рублям 1762 года Петра Третьего и Екатерины Второй, а у второй они характерны для новодельной чеканки первой половины XIX века. Сюда же следует добавить, что оборотный штемпель этих монет тот же, что у пробного

рубля со знаком **СЮ**. Как могло случиться, спрашивается в книге, что в восемнадцатом веке (а это царствование Екатерины, стремящейся стереть память о свергнутом супруге) кто-то заказал монеты с портретом запретного императора?

Несложно сделать вывод, что среди рублей Петра Третьего с монограммой на оборотной стороне, отнесенных Х. Х. Гилем (а следом за ним А. А. Ильиным, И. И. Толстым и последующими исследователями) к новодельной чеканке, скрываются подлинные монеты из поднесенной императору тысячи. Впрочем, не так уж и скрываются - они имеют все характерные признаки монетного передела указанной на них даты. А новodelы делались теми же штемпелями в XIX веке (в 1847 году штемпели были уничтожены). Они больше и тоньше оригиналов, имеют несвойственное гуртовое оформление и широкий разброс по весу.

Посмотрим, соответствует ли это утверждение практике. Среди находящихся в коллекционном обороте «новodelов», выполненных этой штемпельной парой, рубли с особенностями, характерными для продукции С-Петербургского монетного двора начала второй половины XVIII века более редки. Их «встречаемость» коллекционерами вполне соответствует указанному в документах тысячному «тиражу». Штемпель оборотной стороны тот же, что у пробного рубля **СЮ** с монограммой, а лицевой, несомненно, выполнен с той же формы, что и выпущенные в обращение «*петербургские*» рубли. Следовательно, сами штемпели изготовлены в 1762 году. Вес и проба доступных для исследования экземпляров соответствуют нормативным. И это особенно важно, поскольку поздние новodelы такими характеристиками не обладают.

ТИ *«Тимофей ИВАНОВ. Резал штемпели рублевиков 1757-1761 гг., а также штемпели золотых и серебряных монет 1762-1796 гг. всех достоинств»* - пишет в своей книге «Монеты России 1700-1917» В. В. Уздеников. Фамилий других мастеров, занятых в резбе штемпелей для монетных переделов этого периода, в списке нет.

В самом деле, на подавляющем большинстве серебряных и золотых монет Екатерины Второй под портретом мы находим знаки **ТИ** или **ТИ** (исключение составляет редчайший рубль Московского двора 1775 года со знаком **ВК**). Учитывая, что знаки Тимофея Иванова находятся и на многих медальных штемпелях, его работоспособность вызывает восхищение, сменяющееся изумлением, а затем и недоверием. Даже без учета медалей, обеспечивать штемпелями монетный передел на протяжении без малого сорока лет одному человеку - событие из ряда вон выходящее.

Впрочем, как показано в предыдущих статьях, приходится сократить период монопольной деятельности Иванова на пять последних лет Елизаветинского правления, да и признавать за ним авторство монетных штемпелей с портретом Петра Третьего можно лишь условно. Посмотрим, как развивались события в следующее, самое продолжительное царствование Екатерины Второй.

Первый месяц после переворота 28 июня 1762 года стал для новой императрицы столь же насыщенным неотложнейшими делами, как полгода назад первый месяц правления для ее покойного супруга. Но дела эти были совсем иного рода. На то, чтобы заставить «урода» подписать отречение от престола, а затем навечно избавиться от него самого, потребовалась всего неделя. Самое сложное было впереди - доказать приближенным, своему народу и всему миру, что убийство царственного супруга и лишение собственного сына прав на престолонаследие вовсе не преступление, а акт высочайшей справедливости, совершенно необходимый для всеобщего благоденствования. Задача эта, кажущаяся почти невозможной, отнимает все силы и время. Переговоры, письма, указы и сам манифест о восшествии на престол - все подчинено исключительно ей. Проблем добавил сам убиенный император - за все время своего правления он не совершил ни единого насильственного действия. Напротив, ликвидировал

Портрет Екатерины II, выбитый на рубле Петра III.

Тайную канцелярию, дал вольности дворянству, освободил крестьян от монастырской зависимости, запретил притеснение старообрядцев... Приходится прибегать к сложной логике. На закате жизни она напишет, что «спасла империю, себя самое и своего сына от безумца, почти бешенаго, который стал бы несомненно таковым, ...если бы он пролил или увидел бы пролитой хоть каплю крови». Что ж, с подобными если бы спорить трудно. Огромное количество оставленных самозванной императрицей и ее приспешниками документов убедили в правоте узурпаторши некоторых историков. Но не современников - их пришлось ублажать подарками, на которые была потрачена громадная по тем временам сумма более чем в полмиллиона рублей казенных денег, да сверх того, еще и раздать восемнадцать тысяч душ государственных крестьян.

А жизнь в государстве продолжается своим чередом, тем, который заложил своими указами Петр Третий. Союз с Пруссией, столь ненавистный гражданам, и послуживший главным пунктом обвинения свергнутого императора, только крепнет. На медные монеты пока еще набивается удвоенный номинал, а серебряные по-прежнему печатаются пониженными в весе и пробе. Меняется только портрет. На некоторых империалах и рублях можно увидеть двулчие новой императрицы в прямом и переносном смыслах этого слова. Под ее портретом просматривается изображение убиенного супруга, хотя никаких официальных указаний о прямой перечеканке монет прежних царствований монетчикам не поступало.

1

У работников монетных дворов свои заботы. Пока царедворцы пребывают в мучительных ожиданиях - кто милостей, а кто и опалы, резчики с ужасом ждут новых указаний сверху. Приказа об изготовлении штемпелей с *персонами* всех прежних императоров никто не отменял, а теперь добавляется еще одна императрица, да кроме того, медали - на ее коронацию и на смерть супруга. В спешном порядке из Москвы в Северную столицу командировются лучшие медальерные мастера. Но все оказывается не так уж и страшно. Делать медали в память недавно ушедшего монарха соизволено не было, а замысел сохранить в монетах память об остальных был подтвержден, но затем мягко спущен на тормозах, и вскоре забыт. До коронационных торжеств оставалось еще почти три месяца, так что сначала все силы были брошены на изготовление образцовых форм и рабочих штемпелей четырех номиналов золотых и серебряных монет, которые успели напечатать в царствование Петра Третьего - императора, рубля, и их половин.

Повторяется та же процедура, которая уже была применена ровно полгода назад. Через месяц от начала нового правления императрице представляют оловянные оттиски с ее портретом. Тем же Юдину и Иванову предписывается с *крайнем поспешанием* снабдить монетные дворы и Канцелярию маточниками для производства рабочих штемпелей. О гербовой стороне теперь речи не идет - естественным образом сохраняется орел прежних царствований. Этот первый тип портрета (1), называемый нумизматами «С шарфом на шее» (старые названия - *брыжжи*, *фреза*), един для С-Петербургского и Московского дворов, что свидетельствует об изготовлении маточников с единой, полностью завершенной формы.

2

Кто ее автор, Юдин или Иванов? По всей видимости, опять оба, как это уже было в предыдущем случае. Но на этот раз форма работы Юдина до доводки ее Ивановым не известна (скорее всего, ее и не было).

Пройдет четыре года, прежде чем утвердившаяся во власти Екатерина более внимательно и критично рассмотрит свой портрет на монетах. В 1766 году ей будет представлен его новый вариант (Базовый каталог 509/14), но по зрелому размышлению, императрица решит пока сохранить старую форму, только уже «Без шарфа на шее» (2).

Радикальные изменения императорского убранства и стиля изображения портрета наступят только в 1777 году, когда она уже будет чувствовать себя полновластной и полноправной правительницей (хотя законному наследнику, сыну Павлу, идет двадцать третий год). «Одежду сделать императорскую, а на главе, *сверх ныне означенного лаврового венка, корону*» - такое указание получает Берг-коллегия от генерал-прокурора.

Но на монетах, кроме перечисленных нововведений, резко меняется и сам портрет (3). Чьей руке он принадлежит? Здесь мы вновь сталкиваемся с той же особенностью, которую уже наблюдали раньше. На всех номиналах монет с этой разновидностью портрета привычных знаков **П** нет. Появляются они в 1783 году (4), после полученного указания делать все деньги «*против посылаемого абдюрка, вырезанного медальером Ивановым*». Но в данном случае изменения касаются только доработки бюста, повлекшей за собой укорачивание шеи. Можно ли считать ее достаточной, чтобы признать портрет «Ивановским»? Думается, что точку в вопросе авторства портрета на этом типе монет ставить пока рано.

3

4

1

«Климовский» портрет 1768-70, 75 г.

2

«Особый» портрет 1773 г.

В итоге получается, что среди самых распространенных рублей Екатерины Второй мы не находим ни одной авторской работы Тимофея Иванова (в сегодняшнем понимании термина «медальер»). Почти четыре десятилетия он исполнял обязанности *медальерного мастера*, ответственного за обеспечение монетного передела качественным инструментом. И делал это очень неплохо, приведя рабочие штемпели в полное единообразие (к разочарованию будущих коллекционеров). Правда, есть несколько более редких разновидностей портрета, это единообразие нарушающих.

Последние выпуски рублей московского Красного двора 1767-1770 годов, в отличие от петербургских, знака **ТИ** не имеют. Вначале они печатаются штемпелями, выполненными с присланных из С-Петербурга маточников, но уже в следующем году несколько меняют портретную форму (1). Ее автора можно установить, поскольку на редчайшем рубле этой же формы 1775 года находится знак **ВК**. А в это время на пришедшем в полный упадок Красном дворе работает единственный медальерный мастер - Василий Климов.

Еще одна необычная форма с «Особым» портретом (2) совершенно неожиданно всплывает в 1773 году. С нее выполнено как минимум два рабочих штемпеля, и оба помечены знаком **ТИ** (хотя на обычных монетах с этого года написание меняется на **ТН**). Объяснений ее появления пока не находится. Так же неожиданно в том же году она и пропадает.

И наконец, самые интересные и загадочные рубли Екатерининского правления - так называемый «Грубый чекан» (3). О них мы подробно говорили в книге «Подделки российских монет». Единственное, что можно утверждать твердо - к продукции обоих столичных дворов они не относятся. В то же время маточники с орлом те же, что у московских монет, то есть присланы в это загадочное место из С-Петербурга. Вероятно, оттуда же поступили и портретные. Но вот кто автор этой необычной формы? Знак **ТИ** присутствует только на некоторых штемпелях со знаком **СПБ**, но вряд ли в данном случае, когда сочетания знаков дворов, минцмейстеров и гравера самые невероятные, это что-либо означает.

3

Рубль «Грубого чекана» 1766-68 гг.

Суммируем сказанное, а лучше, говоря по-русски, сделаем заключение. На примере некоторых из рублей XVIII века мы увидели, что монеты российских императоров исследованы далеко не так глубоко, как это выглядит со стороны. Красивые, тисненные на винтовых прессах металлические кружки хранят еще немало тайн. А ведь здесь рассмотрена только очень незначительная часть всего монетного корпуса. Есть еще XIX век, разменное серебро, золото и платина, медь - там загадок не меньше.

Со сделанными в статьях выводами можно не соглашаться, но пересматривать их следует на основании привлечения дополнительного материала, или более скрупулезного исследования всего имеющегося. Чего делать не следует, так это игнорировать факты, закрывая глаза и пряча голову в песок, как это приписывается упомянутой во вступлении нелетающей птице, или бездумно повторять устоявшиеся заблуждения, как это свойственно другой птице - говорящей. Очень важно избегать ошибок, свойственных сегодняшней исторической науке, когда событие выдергивается из естественной для своего места и времени среды, помещается в чуждые ему представления другого времени, и оценивается уже в них.

Нельзя не обратить внимание, что в сборнике пересматриваются выводы наиболее известных в своей области исследователей, в основном - В. В. Узденикова и Е. С. Щукиной. В этом нет ничего удивительного. Недавно ушедшие от нас Василий Васильевич и Евгения Семеновна, несомненно были наиболее знающими специалистами последних десятилетий из числа работающих непосредственно с монетным и медальным материалом. С ними было интересно поговорить и поспорить (что автор знает по себе). Их вклад в изучение нумизматики и медальерного искусства, а особенно в популяризацию, бесценен. Их работы были и остаются настольными книгами для многих увлеченных людей, в том числе и для автора этих строк.

Но следует ли из этого, что Лукьян Дмитриев в течение трех последних лет царствования Анны Иоанновны ежегодно резал по несколько десятков рублевых штемпелей, неотличимых от Гедлингеровского прототипа, а остальные резного дела мастера Красного двора в это время с интересом наблюдали за рекордами первого стахановца? Возможно, в этом случае речь идет всего лишь о восстановлении исторической справедливости, которая на общий ход истории монетного дела существенного влияния не оказывает, но в случае с *«объемом чеканки российских монет»* и их непродуманным закреплением за монетными дворами (см. статью далее) мы сталкиваемся с прямым искажением всей истории Петровских преобразований. И уж совсем нельзя оставлять без критики *«рекомендации по проведению экспертного обследования»*, в которых положения теории познания заменяются верой в непогрешимость специалиста (см. «Подделки российских монет»).

У всех бывают успехи и неудачи. Ошибочные выводы и представления исследователей не должны затемнять их находки и открытия. Таков путь познания. На этом тернистом пути неизбежно возникают «последователи» ученых, желающие погреться в лучах их славы. Главное для них - незыблемость высказываний «учителя», которого они стремятся превратить в кумира-истукана. Называют они себя друзьями, а на деле являются предателями. Предателями того дела, которому ученые посвятили свою жизнь.

И последнее немаловажное замечание. Всем нам хочется обладать абсолютной истиной и быть уверенными в ее незыблемости. Но ее нет и никогда не будет. Расстраиваться не стоит, в конце концов, в познании и состоит смысл человеческого существования. Остановись в развитии, заучив чужие мысли, и не успеешь оглянуться, как превратишься в амбициозного невежду. Истины нет, но есть **истинность**. Ни один настоящий ученый или профессиональный эксперт не позволит себе безапелляционного заключения. «Эффекту страуса» он не подвластен. Для него есть истинность выводов, которая зависит исключительно от их обоснованности, и ни от чего другого. Авторитеты, должности, звания, и даже материальные гарантии их заменить не могут.

Владимир Семенов

АЛЕКСАНДР ВАЛЛ

СТАТЬИ

ИЗ СЕРИИ «КРИВОЕ ЗЕРКАЛО»

Этой публикацией мы начинаем серию материалов, посвященных некоторым распространенным нумизматическим заблуждениям. В них, как в кривом зеркале, разнообразные события и факты отечественной нумизматики отражаются в искаженном виде, где вымысел смешивается с правдой, а вольные допущения, освященные традицией, приобретают незыблемость догмы. Однако если факты противоречат теории - она должна быть пересмотрена или скорректирована, игнорировать логику и здравый смысл - значило бы оказаться в интеллектуальном тупике.

МОНЕТНЫЕ ДВОРЫ ПЕРИОДА ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ

Биметаллические монеты, посвященные денежной реформе Петра I
(по дате на медной копейке и серебряном рубле авторы проекта приурочили ее к 1704 г.)

Масштабность и результаты петровских реформ могут создать впечатление, что безграничная власть давала самодержцу и безграничные возможности, что любая его воля выполнялась быстро и беспрекословно, а это не всегда соответствует истине. В период активной фазы Северной войны (1700-1715 гг.) все силы царя и его ближайшего окружения поглощают внешнеполитические и военные дела, решение внутренних проблем носит зачастую декларативный характер и остается прерогативой старобоярской системы приказов.

Собственно реформаторская деятельность Петра в области государственного переустройства относится к периоду после возвращения царя из второго заграничного путешествия, состоявшегося в 1716-1717 годах. Это общепризнанное представление подтверждается ходом монетной реформы, описанным в книге «Монетное дело Российской империи». Первые попытки введения серебряной монеты 1700-1714 годов оказались неудачными и практически не оказали влияния на денежное обращение того времени. Действительно радикальными переменами ознаменован 1718 год, когда указом от 14 февраля дальнейшая выделка серебряной проволочной копейки была запрещена, и новые монеты велено было принимать «с прежними монетами и мелкими серебряными и медными копейками заедино без всякого прекословия».

Между тем, в нумизматической науке принято считать, что реформа денежного обращения (одна из главнейших среди всех петровских преобразований) была проведена в 1700-1704 годах. Анализ нумизматического материала и изучение документов, связанных с деятельностью монетных дворов в первой трети XVIII века, не подтверждают такое предположение. Подведомственность дворов, производимая ими продукция, межведомственные отношения — все эти обстоятель-

ства говорят о том, что до 1737 года Красный двор, находящийся в ведении государственного финансового ведомства, - Приказа Большой Казны, - не участвовал в изготовлении крупной серебряной монеты (исключая временное задействие в 1718-1720 годах). Согласно приведенным в «Монетном деле» данным, история реформы связана с подведомственным Адмиралтейскому приказу Кадашевским двором — его организацией в 1699 году, переподчиненностью, периодами подъема, упадка и т.д. - вплоть до его закрытия в 1737 году.

Реформаторские начинания Петра разворачивались не в вакууме, и какой бы неукротимой ни была его энергия, объять необъятное и единолично осуществить все свои замыслы царь не мог, поэтому огромное значение имела деятельность его ближайших сподвижников. Это и выдвинувшиеся еще при Алексее Михайловиче бояре, возглавившие основные гражданские приказы и успешно управлявшие внутренними делами в отсутствие самодержца (в том числе руководитель Приказа Большой казны Петр Иванович Прозоровский), и сопровождавшее царя в Великом посольстве 1697-98 годов ближнее окружение (Федор Алексеевич Головин, Федор Матвеевич Апраксин). Надо сказать, что опытные в делах государственного управления бояре и новые соратники Петра, люди часто не знатные, но деятельные и инициативные, образовали две очень несхожие группы в высшем, как сказали бы сейчас, эшелоне российской власти. Имея различные взгляды и на цели государственного устройства, и на способы их достижения, эти группы по-своему содействовали развитию страны и исполнению воли ее самодержца.

Возглавлявший Большую казну князь Прозоровский твердой рукой управлял российскими финансами, находя возможным и обеспечить деньгами военные кампании царя, и противодействовать преждевременным или ненужным с его точки зрения реформам.

Красный денежный двор, Москва

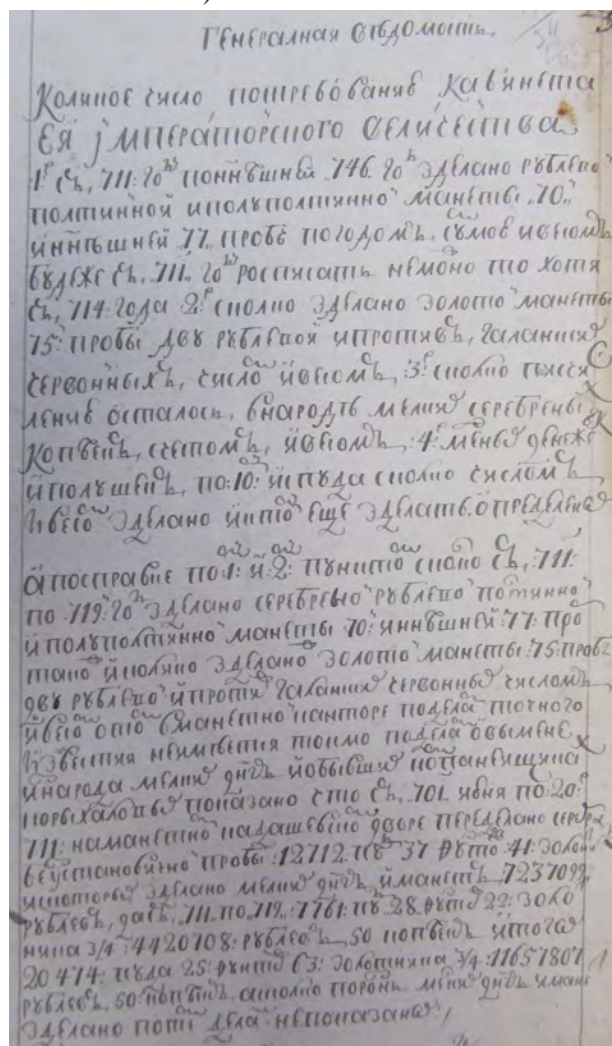
Под его руководством серебряный передел «проволочных денег» с 1697 года централизован на вновь созданном Красном дворе, а также организован медный передел на Набережном. До его смерти в 1718 году Красный двор не выпускал серебряных монет крупных номиналов, хотя царь лично не раз настаивал на этом.

В 1701 году вне рамок государственного финансового ведомства Военно-морской приказ строит Кадашевский двор. Он был единственным местом, где до 1718 года производились рубли и полтины машинной выделки. До 1706 года им руководил энергичный и деятельный генерал-адмирал Головин, сумевший и наладить машинное производство монет, и обеспечить его сырьем (ключевой для начала XVIII века вопрос). Но в 1706 году Головин умирает, а сменивший его Апраксин, вполне уверенно исполняя порученные ему задания, не обладает энергией и способностями предшественника и теряется при решении вопросов, требующих самостоятельности и инициативы. С его приходом выделка серебряной монеты на Кадашевском дворе начинает быстро сокращаться, а затем и совсем прекращается.

Кадашевский монетный двор, Москва

После петровского указа 1718 года, запрещающего чеканку проволочных копеек, требуется быстро наладить массовый выпуск монет машинного тиснения, для чего задействуются все имеющиеся производственные мощности, в том числе и Красного двора, который спешно дооснащается переданным с Кадашевского оборудованием и инструментом. В частности, Красный двор получает от Кадашевского два печатных стана — рублевый и полтинный, а также штемпели (необходимо отметить, что с 1714 года оба двора находятся в ведении Приказа Большой казны, то есть являются по сути двумя площадками единого производства с централизованным управлением, почему и становится возможной передача инструментов с одного двора на другой). Скорее исключением является то, что около двух лет, с 1718 по 1720 год Красный двор участвует в выпуске рублей и полтин, а затем, после проверок и ревизий Я. В. Брюса, прекращает его до 1737 года (имеют место только разовые подключения к тиснению крестовых пятаков в 1727 году и перечеканке копеек в денги и полушки в 1730-1731 гг.).

Ведомость 1746 г. о количестве переделанных монет (в т. ч. на Кадашевском монетном дворе в 1701-11 гг.)

Почему же в нумизматической литературе, прежде всего в столь популярных сегодня аукционных каталогах с описаниями аукционных лотов, продолжают фигурировать рубли и полтины этого периода, отнесенные к продукции Красного двора?

В «Корпусе русских монет XVIII-XIX веков» Георгия Михайловича при описании монетного дела даются лишь «ведомости о количестве монеты, изготовленной в царствование» очередного самодержца, без указания на двор-изготовитель.

Описывая монетные дворы интересующего нас периода, И. Г. Спасский в широко известной монографии «Русская монетная система» дает общий обзор существовавших на тот момент денежных и монетных дворов, не определяя роли, которую каждый из них играл в ходе монетной реформы, и лишь упоминает «Старый» (Красный, Китайский) денежный

двор, который постепенно тоже был переоборудован для машинной чеканки монет всех видов, однако он быстро захирел. Опись монетных дворов 1727 г. показывает, что тогда он уже стоял пустой, под присмотром сторожа, а часть помещений была занята какой-то комиссией».

Определение номенклатуры выпускаемой московскими монетными дворами продукции - это действительно очень сложная задача. Попытку ее решения предпринял в своей работе «Объем чеканки российских монет 1700-1917» В. В. Уздеников. По его мнению, в период с 1700 по 1737 год, когда в Москве было два серебряных двора, серебряные рубли и полтины выпускались и на Красном, и на Кадашевском дворах. Как будет показано ниже, предложенная автором версия далека от действительности.

Год	Серебро						5 копеек
	70—84 пробы						
	Рубль	Полтина	Полуполтина	Гривна, гривенник	Алтын	Копейка дореформенного образца	
1700	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1701	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1702	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1703	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1704	На общую сумму 213 665 руб. 50 коп.						—
1705	?	?	?	?	—	СЧ-1	—
1706	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1707	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1708	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1709	—	—	—	~ 300 000	—	} 23 316 861	—
1710	—	—	—	—	—		—
1711	—	—	—	—	?	СЧ-1	—
1712	?	?	—	—	—	СЧ-1	—
1713	—	—	?	—	—	СЧ-1	На общую
1714	?	—	—	—	—	СЧ-1	На общую
1715	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1716	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1717	—	—	—	—	—	СЧ-1	—
1718	—	СЧ-3	—	СЧ-3	—	—	—
1719	—	СЧ-3	—	СЧ-3	—	—	—
1720	—	—	—	—	—	—	—
1721	—	—	—	—	—	—	—
1722	—	СЧ-3	—	—	—	—	—

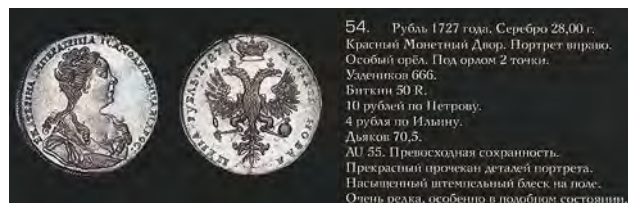

Некоторые «образцы» монет
Красного двора
по версии В.В. Узденикова

В.Уздеников, «Объем чеканки российских монет 1700-1917», Москва, 1995

Приняв ошибочное предположение В. В. Узденикова за истину, В. В. Биткин в «Сводном каталоге монет России» разделил петровские рубли и полтины, чеканенные до 1718 года, на продукцию двух московских монетных дворов — Кадашевского и Красного, а монеты 1722-1727 годов отнес к продукции Красного двора.

В свою очередь, на каталог Биткина ссылаются при описании своих лотов многие отечественные и зарубежные аукционы.

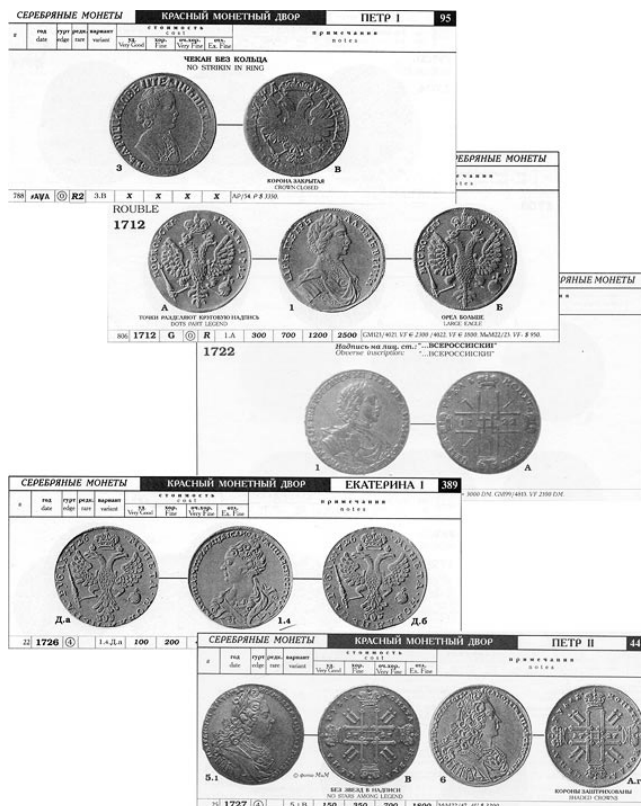
«Александр», аукцион № 18, Москва, 2011

The New York Sale, аукцион XXIX, 2012

Откуда же возникло представление о том, что крупная серебряная монета чеканилась до 1718 года (и далее после 1720) двумя дворами? Вероятно, оно основано на двух фактах: первый — часть монет 1704 и 1705 годов имеют знак МД (Монетный Двор), а часть не имеют; второй — в отчетах Красного двора за эти годы раздельно указаны суммы выпуска денег и монет.

Действительно, отчеты Красного двора ясно свидетельствуют: в 1704-1705 годах Красный двор часть серебра на общую сумму 215 665 рублей по отчету за 1704 год пустил в собственный передел монет. Но речь, по всей видимости, идет о гривнах и алтынах, помеченных знаком БК, Большая Казна. Кстати сказать, если бы Красный двор действительно выпускал рубли и полтины в этот период, что могло помешать ему ставить знак БК и на этих изделиях?

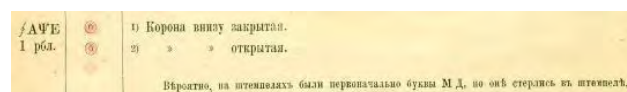

В. Биткин, «Сводный каталог монет России», Киев, 2003

«Кюнгер», аукцион №150, Оснабрюк, 2009

Рассмотрим далее предположение о том, что монеты, отмеченные знаком МД, отчеканены на Кадашевском дворе, а не имеющие этого знака — на Красном. Документальных подтверждений этому нет, тогда как аргументов против такой гипотезы имеется немало. Один из наиболее весомых — полная идентичность штемпельного инструмента: монеты 1705, даже не имеющие знака двора под орлом, при отличной сохранности всегда имеют следы букв МД, на что указывал еще Х. Х. Гиль.

Х. Гиль, «Таблицы русских монет двух последних столетий», СПб., 1898, стр.60

В примечании указано:

«Вероятно, на итениках были первоначально буквы МД, но они стерлись в итенике»

Таким образом версия, объясняющая наличие или отсутствие знаков МД деятельностью двух дворов, выглядит поверхностной. Но если отойти от нее, необходимо объяснить, почему же Кадашевский двор то ставил знак МД на своих монетах, то почему-то считал это излишним? Можно предположить, что монетчики Кадашевского двора ожидали появления серебряных рублевиков производства Красного двора (на чем неоднократно настаивал царь Петр). Однако сказалось противодействие начальника Приказа Большой Казны князя Прозоровского, и когда стало ясно, что других серебряных рублей не предвидится, не стало и необходимости в дополнительных отличительных признаках.

С 1718 года, сопровождавшегося радикальными нововведениями в денежном обращении, Красный двор осваивает тиснение полтин, и только со следующего 1719 года — рублей. В этот период не представляет труда различить принадлежность монет к выпустившему их двору по гуртовой надписи: «московский указной рубль (или полтина) манетного денежного двора» и «московский указной рубль (или полтина) красного денежного двора». Но дальше начинаются недоразумения. С 1722 года известны два варианта гуртовой надписи на монетах рублевого достоинства «российский рубль манетного двора» или «российский рубль московского двора». И опять лежащее на поверхности объяснение было признано единственно верным — разные надписи, значит, и разные дворы, из чего делается вывод, что к производству рублей вновь подключается Красный двор.

Но, во-первых, если обозначать различие, логично было бы делать это по сопоставимому признаку, действительно являющемуся различительным. Абсурдно противопоставлять «синий» и «квадратный», или «новый» и «кислый» и т.д. Надпись «монетного двора» перестает быть смысловозначительной уже в 1718 году, когда прекращается выделка проволочных копеек — после этого «денежных», «немонетных» дворов не остается в принципе. Но и надпись «московский» не может быть смысловозначительной в отношении Красного и Кадашевского дворов, которые оба располагались в Москве. «Московский» — не было индивидуальным наименованием

для Красного двора. Остается предположить, что обозначение «московский» появилось на Кадашевском дворе в связи с ожидаемым началом работы монетного двора в Петербурге.

Однако есть и более весомое свидетельство того, что ни «российский рубль манетного двора», ни «российский рубль московского двора» не могли чеканиться Красным двором.

В 1720 году руководство монетными дворами переходит к прообразу промышленного министерства — Берг-коллегии, при которой создается специальная Контора монетного правления. Возглавляет Берг-коллегию один из ближайших сподвижников Петра Яков Вилимович Брюс. Он проводит ревизию серебряного передела на обоих дворах, в результате которой выясняется, что бурмистры Красного двора допускают *«великие несходства и неисправности... большие для своей корысти»*. Красный двор истари обходился без профессиональных пробиреров, ведя сплавки по *«неустановочной»* пробе. В результате проверок и расследований, с 1720 года деятельность Красного двора останавливается, и он на долгие годы переходит в замороженное состояние, выполняя лишь казначейские функции.

То есть уже с 1720 года Красный двор — это фактически хранилище казанчества, весь передел серебра и золота сосредотачивается только на Кадашевском дворе.

Как всегда, изначально неверное допущение ведет к недоразумениям, которые усугубляются по мере того, как из них пытаются делать логические выводы. Соблазнившись поверхностной очевидностью и отнеся рубли с гуртовой надписью «российский рубль московского двора» к продукции Красного двора, нумизматы вынуждены искать (и как ни странно, находить) несуществующие отличия между монетами «двух дворов». Более того, и рубль 1723 года («тигровик»), и рубль 1723-1725 годов («матрос»), и московские рубли Екатерины I, и рубли Петра II 1727 года, следуя этой логике, также становятся продукцией Красного двора (к тому времени давно бездействующего). А активно функционирующий Кадашевский, наоборот, неизвестно как и почему вдруг выпадает из процесса монетного производства, ни с того ни с сего вновь подключаясь к нему в 1728 году.

Не производившаяся в действительности чеканка Красного двора оставляет без ответов многие вопросы:

- Что мешало введению крупной серебряной монеты до 1718 года?
- Зачем понадобилось чеканить монеты на двух дворах, учитывая незначительные — и постоянно сокращавшиеся вплоть до 1718 года — объемы монетного производства?
- Чем объясняется идентичность штемпельного инструмента «двух дворов» (простая передача штемпелей с Кадашевского двора на Красный исключается, так как дворы были подотчетны разным ведомствам, жестко конкурировавшим между собой)?
- Почему Кадашевский двор не ставил знаки на рублях и полтинах, как он это делал на гривнах, алтынах, а затем на «крестовых» пятаках?

Напротив, если принять точку зрения, изложенную в «Монетном деле Российской империи», согласно которой Красный двор лишь кратковременно, с 1718 по 1720 годы, участвовал в выпуске рублей и полтин, а все остальные монеты этих номиналов до 1737 года относятся к продукции Кадашевского двора (разумеется, за исключением петербургской чеканки) — то все встает с головы на ноги.

*Здание Двенадцати Коллегий
С-Петербурга*

РОЛЬ «ТИРАЖА ВЫПУСКА» В ОПРЕДЕЛЕНИИ РЕДКОСТИ МОНЕТ

ВѢДОМОСТЬ
о количествѣ золотой монеты, выдѣланной на С.-Петербургскомъ Монетномъ Дворѣ
въ царствованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Въ которомъ году.	Полуимперіаловъ 88-й пробы.		Трехрублевыхъ 88-й пробы.		Голландскихъ червонцевъ 94-й пробы.		ВСЕГО.	
	Рублей.	Коп.	Рублей.	Коп.	Рублей.	Коп.	Рублей.	Коп.
с 1-го февр. 1855 по 1-е 1856 г.	17.000.010	—	—	—	854.335	55 1/2	17.854.365	55 1/2
« 1876 »	30.000.025	—	189.015	—	—	—	30.189.040	—
« 1877 »	33.000.015	—	150.009	—	—	—	33.150.024	—
« 1878 »	34.000.030	—	582.018	—	—	—	34.582.048	—
« 1879 »	36.125.025	—	15	—	—	—	36.125.040	—
« 1880 »	31.000.035	—	300.021	—	—	—	31.300.056	—
Съ 1-го янв. по 1-е мар. 1881 г.	11.000.005	—	3	—	—	—	11.000.008	—
Всего	586.373.705	—	4.491.150	—	7.262.591	78	598.127.445	78

Тиражи выпусков общегосударственных монет

Год	Золото		Год	Золото		Год	Золото	
	5 рублей	3 рубля		5 рублей	3 рубля		5 рублей	3 рубля
1817	710 008	—	1840	1 277 003	—	1863	7 200 003	—
1818	1 520 000	—	1841	1 668 003	—	1864	3 900 007	—
1819	963 145	—	1842	2 180 029	—	1865	3 901 543	—
1820	—	—	1843	1 825 105	—	1875	4 000 003	100 003
1830	712 600	—	1852	3 900 018	—	1876	6 000 005	63 005
1831	845 510	—	1853	3 900 004	—	1877	6 600 003	50 003
1832	480 653	—	1854	3 900 002	—	1878	6 800 006	10 006
1833	829 353	—	1855	3 900 004	—	1879	7 225 005	5 *
1834	1 346 009	—	1856	3 800 002	—	1880	6 200 007	10 007
1835	1 440 010	—	1857	4 500 002	—	1881	5 400 007	48 005
1836	953 021	—	1858	3 500 005	—	1882	4 547 006	6 *
1837	48 297	—	1859	3 900 004	—	1883	5 632 017	9 007
1838	701 764	—	1860	3 600 002	—			

Современные нумизматические аукционы часто ссылаются при описании своих лотов на «тиражи монет», считая эти сведения существенными при определении степени редкости той или иной монеты. Что же имеется в виду под «тиражами монет», и откуда почерпнута эта информация?

В фундаментальном «Корпусе русских монет» великого князя Георгия Михайловича среди прочих документов приведены ведомости о количестве монет, изготовленных в каждое царствование (в рублевом исчислении).

Эти данные были использованы В. В. Уздениковым в его работе «Объем чеканки российских монет 1700-1917».

Название книги вводит читателей в заблуждение: сведений об «объеме чеканки» в документах нет, они получены исследователем с помощью «пересчета исходных данных, в результате чего в подавляющем большинстве случаев тиражи получили выражение в количестве отчеканенных монет каждого номинала».

Таким образом были получены «тиражи выпуска» монет - невнятное выражение, объединяющее разнородные понятия, так как

тираж относится к производству монет, а выпуск — к обращению.

Уязвимость подхода, основанного на «пересчете исходных данных», выявляется сразу же: автор вынужден оговориться, что в каких-то случаях «по имеющимся сведениям, в данном году были отчеканены лишь единичные экземпляры монеты данного номинала, в действительности же такие монеты существуют в большом количестве»; в других случаях приходится констатировать, что «по имеющимся сведениям, в данном году чеканка монет данного номинала производилась в значительном объеме, в действительности же такие монеты либо не существуют, либо известны их единичные экземпляры» и т.д.

Предваряя недоумение нумизматов, Уздеников пишет: «многие русские монеты... подвергались массовому уничтожению путем перечеканки или переплавки»; ссылается на «широко применявшуюся в России практику чеканки монет устаревшими иттемпелями без корректировки указанной на них даты» - что в действительности имело место в исключительных случаях; упоминает о несовпадении «отчетного года монетного двора с календарным годом», в результате чего следует

неутешительный вывод: «Нет ни малейшей возможности установить, какими именно годами датированы монеты, включенные в любой годовой отчет любого монетного двора».

Но тогда возникает закономерный вопрос: о каком «объеме чеканки российских монет» может в таком случае идти речь?

Перечисленные Уздениковым причины расхождения данных о выпусках монет и их реальной редкостью не являются существенными по той простой причине, что тиражи не соответствовали выпуску, и их соотношение в каждом конкретном случае будет различным.

Понимая шаткость своего подхода, автор категорически предостерегает читателя: *«Сведения о тиражах монетных выпусков не могут быть использованы (за редким исключением) для определения степени редкости отдельных монет, тем более что они обычно не учитывают наличие у монет даже самых существенных разновидностей во внешнем оформлении».*

Увы, соблазн быстро определить редкость монеты (сославшись при этом на общепринятое авторитетное мнение) оказался слишком велик: аукционы с завидным упорством приводят данные о «тиражах монет», тем самым ставя под сомнение компетентность своих экспертов и навязывая покупателю заведомо неинформативные сведения.

N	Год выпуска	Особенности	Гир.	Из.	П	У	Б	VF	XF
1	1869	Сиб. III	143г	н	н	+	R	1750	5100
2	1870	Сиб. III	200г	н	н	+	R	1850	3500
3	1871	Сиб. III	200г	н	н	+	R	1850	3500
4	1872	Сиб. III	100г	н	н	+	R	2100	5700
5	1873	Сиб. III	77г	н	н	+	R	2600	1700
6	1874	Сиб. III	270г	н	н	+	R	1750	3100
7	1875	Сиб. III	100г	н	н	+	R	2100	5700
8	1876	Сиб. III	63г	н	н	+	R	2500	1200
9	1877	Сиб. III	50г	н	н	+	R	2500	1200
10	1878	Сиб. III	50г	н	н	+	R	2500	1200
11	1878	Сиб. III	103г	н	н	+	R	2100	5700
12	1879	Сиб. III	50г	н	н	+	R2	5500	1100
13	1880	Сиб. III	400г	н	н	+	R	3100	5700
14	1881	Сиб. III	38г	н	н	+	R	2500	1200
15	1882	Сиб. III	6г	15	н	+	R3	R	R
16	1883	Сиб. III	900г	н	н	+	R	3100	5700
17	1884	Сиб. III	25	н	н	+	R2	R	R
18	1884	Сиб. III	38г	н	н	+	R	5100	5700
19	1885	Сиб. III	22г	н	н	+	R	1200	9500

Более того, поверхностная, «в лоб» трактовка отчетов монетных дворов существенно искажает представление нумизматов о монетном деле: появляются как выдуманные редкости, так и скрытые раритеты. В частности, монета не свойственного российскому денежному обращению трехрублевого номинала в 1879 году была выпущена, по данным монетного двора, в количестве 5 (!) экземпляров. Между тем по встречаемости она чаще, чем, например, 3 рубля 1881, указанный «тираж» которого — 48 005 экземпляров.

Золотой империал Александра III - нет никакой корреляции между действительной степенью редкости этих монет и предполагаемыми «тиражами»: империал 1889 года, самый редкий из всех, выпустили, оказывается, в ко-

личестве 343 002 штук, а самый встречаемый тип, датированный 1894 годом, выпускался «тиражом» всего лишь 1007 экземпляра.

Список выдуманных редкостей и скрытых раритетов можно было бы продолжать, но думается, главный вывод очевиден: нельзя из годовых отчетов монетных дворов напрямую выводить данные о чеканке того или иного номинала, данная методика дает ложное представление о действительном количестве изготовленных в том или ином году монет.

Ни перечеканка, ни чеканка несоответствующими году штемпелями, ни несовпадение календарного и отчетного годов не могли привести к столь значительному несовпадению заявленных «тиражей» и количества реально существующих монет. Основная причина заключается в том, что погодные суммы в отчетах монетных дворов, приведенные у Георгия Михайловича, отражают не количество пущенного в передел серебра, но являются в большинстве случаев суммированным результатом по расходным книгам монетного двора.

В какой-то определенный год в обращение могли выпускаться монеты, отчеканенные и в данном году, и в предыдущий период (и даже в предыдущее царствование). Иными словами, *«количество переделанного серебра и количество пущенных в расход денег - две независимые цифры; на монетном дворе могло скапливаться сколь угодно много готовой продукции»* (Монетное дело Российской империи, стр.18).

Однако, хотя данные отчетов о расходах казначейства и нельзя механически переводить в монетные тиражи, их можно и нужно использовать (именно поэтому они отдельной колонкой «Отчет» приведены в разделе «Монетные типы» Базового каталога «Конроса»). С их помощью можно примерно представить объемы чеканки, осуществленной штемпелями с конкретной датой: для этого в каждом отдельном случае нужно сопоставить данные отчетов со степенью редкости в таблицах Базового каталога, и при возможности, обратиться к архивным документам.

МИФ О ТОЧНОМ КОПИРОВАНИИ ШТЕМПЕЛЕЙ

Работа Ж. Дасье

В 1757 году выдающемуся швейцарскому медальеру Жаку Антуану Дасье, работавшему в то время в России, было поручено создание памятной медали, посвященной открытию московского университета. На лицевой стороне медальер поместил портрет императрицы в короне и мантии, на оборотной — сидящую на фоне Кремля женскую фигуру, олицетворяющую Россию, в окружении атрибутов наук и искусств. Надпись сверху гласит: NOVA SIBI MONUMENTA PARAVIT, «новый памятник себе воздвигла», ниже выбита дата основания университета — 1754.

Известна копия медали Дасье, выполненная штемпелем медальера Петербургского монетного двора Якоба Рейхеля. При копировании лицевого штемпеля Рейхелю удалось добиться практически полного сходства с оригинальным штемпелем, исключая круговую надпись и, конечно, подпись автора. Обратная сторона, напротив, имеет множественные различия с оригиналом. Трудно сказать, в каком году Рейхель «повторил» портретное изображение Дасье, как неизвестна и цель этой затеи. Наиболее вероятно, что появление копии было приурочено к какому-либо университетскому юбилею, скорее всего, к 50-й годовщине его основания.

В штат Петербургского монетного двора Рейхель был зачислен в 1802 году, первоначально он имел звание «медальерного студента», и должность медальера получил только в

1808 году. Вероятно, чтобы стать медальером, ему требовалось предъявить образец своего искусства. Среди немногочисленных работ, вышедших из-под резца Рейхеля, имеются три портретных, причем все три — копии памятных медалей: в честь Владимира Святославовича из серии медалей в память русских князей и царей (скопирована с работы неизвестного медальера середины XVIII века); копия штемпеля лицевой стороны медали с изображением Владимира Мономаха (из той же серии); и наконец, копия медали Дасье.

Можно предположить, что именно высокое качество копии медали Дасье стало формальным основанием для присвоения Рейхелю столь желанного звания медальера. Каким образом ему удалось добиться высочайшей точности копирования чужого штемпеля, и почему столь блестящий талант копииста был безжалостно зарыт его обладателем в землю? Собственных портретных работ за авторством Рейхеля на данный момент неизвестно.

По всей видимости, появление удивительно точной копии объясняется тем, что будучи сотрудником монетного двора, Якоб Рейхель имел доступ к его богатейшему штемпельному архиву.

Анализ портретного штемпеля рейхелевской «копии» дает основания утверждать, что при ее создании использовался сохранившийся оригинальный инструмент работы Дасье (вероятно, форма).

«Работа» Я. Рейхеля

Оригинального инструмента для оборотной стороны не нашлось, или он не годился для использования, и оборотную сторону медали Рейхель (или кто-то другой) резал заново — что отчетливо видно при сопоставлении отдельных элементов медали Дасье и рейхелевской «копии».

Остается добавить, что доступ к штемпелям монетного двора Рейхель имел до 1845 года (чем, вероятно, активно пользовался, фабрикуя раритеты). В 1846 году сменивший Канкрин на посту министра финансов Вронченко лишил Рейхеля должности медальера, на монетном дворе провели ревизию и большая часть старых штемпелей была уничтожена.

Утверждение, что тот или иной монетный штемпель может быть в точности «повторен» другим мастером, является нумизматическим заблуждением. Знание технологий монетного производства XVIII-XIX веков не подтверждает искусствоведческие предположения о «копировании», «точном воспроизведении» и т.п.

В книге «Подделки российских монет» убедительно показано, что сколько-нибудь точный повтор штемпельного инструмента был возможен только в случае применения сохранившейся формы или маточника, в противном случае работа копииста легко отличима от первоисточника.

Это особенно очевидно для портретных изображений — их точный повтор без видимых отличий был и остается непосильной задачей даже для выдающегося мастера, не говоря об учениках или подмастерьях.

Одна из возможных причин появления подобных ложных представлений — отсутствие в предыдущие эпохи четко оформленных представлений об авторском праве и границах правомерного использования результатов труда коллег и предшественников.

По сложившемуся обыкновению, художники-портретисты в XVIII веке вырезали портретные изображения на форме (за исключением нескольких непродолжительных периодов, когда из-за отсутствия «доброй» стали им приходилось наносить свою часть изображения непосредственно на заготовку рабочего штемпеля). Вырезанные художником-медальером изображения мастера-инструментальщики переводили на маточники, и уже с них портрет переводился на рабочий штемпель. Резного дела мастер со своими помощниками доводил заготовку до рабочего состояния (окончательная проработка, литеры, закалка, чистка), после чего считался автором штемпеля и иногда клеймил его своим знаком.

Незнание или игнорирование этой производственной особенности порождает различные недоразумения: в частности, «металгер» Федор Алексеев превращается в первого русского художника-портретиста, резчик Осип Калашников становится автором портретов на всех штемпелях рублей 1718-1725 годов со знаком К, КО и ОК, инструментальный мастер Иван Васильев вырезает портрет Анны на рублях образца 1734 года и т.д.

Рубль, выполненный с формы И. Гедлингера на временном дворе в С-Петербурге

Еще один наглядный пример — рубль Анны Иоанновны «работы» Лукьяна Дмитриева.

С октября 1735 по июнь 1737 года в Петербурге работал один из выдающихся медальеров того времени — Иоганн Карл Гедлингер. За это время он вырезал образцовый инструмент для большой государственной печати, нескольких медалей и ряда монет (вероятнее всего форм). На временном монетном дворе в С-Петербурге, оборудованном в «палатах» князя Прозоровского, в 1736-1737 годах чеканят около 20 000 рублей с гедлингеровским портретом и его же орлом на оборотной стороне.

С 1737 года начинается чеканка на московском Красном дворе, причем из документов следует, что штампы для нее готовит подмастерье Лукьян Дмитриев. Анализ формообразующих признаков «дмитриевского» портретного штампа не вызывает сомнений, что в его производстве использованы формы и маточники работы Гедлингера - тем не менее, в нумизматической литературе закрепилось мнение, что подмастерье Дмитриев «точно повторил» работу великого швейцарского медальера.

Парадоксальным образом у опытного петербургского медальера Фукса, перед которым в 1738 году поставили аналогичную задачу для чеканки рублей этого типа на Петербургском дворе, сходство с гедлингеровским портретом получилось весьма отдаленным; то же самое можно сказать и о штампах работы Лефкена.

Точность дмитриевского повтора имеет простое объяснение — после окончания в 1737 году монетного передела на петербургском временном дворе Гедлингер вернулся в Стокгольм, а его помощник Дмитриев с гедлингеровскими формами отправился в Москву, где уже с них начал готовить штампы. Штамповый инструмент для орловой стороны гедлингеровского типа в Москве не использовался, и новый орел вновь открытого Красного двора совершенно не похож ни на петербургский, ни на кадашевский. Интересующихся подробностями штампового производства в императорский период отсылаем к изданию «Монетное дело российской империи», где эта тема рассмотрена гораздо подробнее.

Рубль, выполненный с формы И. Гедлингера на Красном дворе в Москве

Любопытные сведения приведены в монографии Е. С. Щукиной «Два века русской медали». В книге отмечается, что находившийся с 1729 года в обучении у Шульца Дмитриев вместе с другими учениками были в 1733 году «в их искусстве свидетельствованы», после чего Дмитриев перешел из разряда учеников в подмастерья. Монограмма «L.D.» стоит на обороте большой и малой коронационной медали Анны Иоанновны, которую Е. С. Щукина характеризует следующим образом: «Уродливые фигуры Веры, Надежды и Любви, венчающие императрицу, изобличают неопытную руку ученика». Но уже абзацем ниже Евгения Семеновна приводит выдержку из приказа Монетной канцелярии 1737 года, которым приказывается чеканить рублевики «штемпелем мастера Лукьяна Дмитриева, который резан со штемпеля медальера Хедлингера точно». То, что точность повтора достигнута не усилиями резчика, а использованием доставшегося от предшественника ин-

струмента, составитель приказа мог не знать, или не считать существенным, но в результате — документальное свидетельство возможности точного воспроизведения одним резчиком работы другого, дезориентировавшее нумизматов.

Возможно, правильному восприятию этого вопроса мешают также общепринятые сегодняшние технологии, когда в процессе изготовления штемпеля изображение многократно копируется при помощи пантографов различных конструкций. Однако механически перенести сегодняшние реалии в прошлое и оценивать с этой точки зрения штемпельное производство предыдущих эпох не стоит, иначе не избежать заблуждений по поводу истинной картины развития монетного дела в нашей стране.

МОНЕТЫ БАНКОВСКОГО ДВОРА (СП ОМ)

Пятирублевый полумпериал Павла I 1798 года СП ОМ

Ряд номиналов российских монет 1798 года (полумпериалы, четвертаки, гривенники и пятикопеечники) имеет незначительные, на первый взгляд, черты своеобразия во внешнем оформлении. Речь идет о монетах, помеченных знаком ОМ, которые обоснованно связываются с деятельностью минцмейстера Осипа Мейджера.

Вместо знака СМ, который традиционно трактуется как «Санкт-Петербургская монета» и обозначает принадлежность предмета к продукции Санкт-Петербургского монетного двора (действовавшего в то время в двух бастионах Петропавловской крепости), на некоторых монетах, тисненых под руководством Осипа Мейджера, почему-то помещен знак СП (Санкт-Петербург). Почему?

В своих очерках «Монеты России XVIII-начала XX веков» В. В. Уздеников объясняет выпадающий из общего ряда знак «СП» произволом англичанина, который или не знал, или игнорировал существовавшие на тот момент требования к оформлению российских монет текущего выпуска. Дополнительное подтверждение нерадивости Мейджера Уздеников видит в многочисленных нарушениях соосности монетных штемпелей на монетах 1798 года со знаком ОМ (на монетах со знаками минцмейстера Михаила Бобровщикова - МБ, а также минцмейстера Федора Цетреуса - ФЦ, таких отклонений нет). Выдвигается даже предположение, что пользуясь бесконтрольностью, монетчики Петербургского монетного двора сознательно «могли закреплять один из штемпелей в произвольном положении, чтобы тем самым подпортить репутацию почему-то не любившегося им англичанина. ... В таком своеобразном «заго-

воре» не участвовал лишь мастер, ведавший прессом, на котором чеканились серебряные 5-копеечники», - заканчивает свой очерк В. В. Уздеников.

В статье В. А. Шишанова «К истории создания Банковского монетного двора», опубликованной в сборнике, посвященном 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского, приведены интересные документы, по-новому освещающие затронутую тему. Речь идет о сохранившейся в отделе рукописей РАН тетради А. Н. Оленина, который осенью 1797 года был назначен управляющим новым монетным двором, организованным в помещении Ассигнационного банка. О причинах этого нововведения, ходе его реализации и значении для истории монетного дела речь впереди, пока же нас интересует один документ — письмо А. Н. Оленина, отправленное им 20 ноября 1797 года директору Ассигнационного банка князю А. Б. Куракину. В нем Оленин среди прочего сообщает, что «... покорнейше испрашивает г-н Леберехт приказание Вашего сиятельства, каким образом угодно будет Вам, чтоб поставлены были сказанным литеры? «С» и «М», то есть «Санкт-Петербургская монета», или «С.П.», то есть: «Санкт-Петербург»». Ответ Куракина был — «С.П.».

Таким образом оказывается, что монеты со знаками «СП ОМ» - не плод нерадивости или волонтаризма минцмейстера Осипа Мейджера, как предположил В. В. Уздеников, но санкционированная руководством Ассигнационного банка мера, призванная, по всей видимости, обозначить различие между продукцией только что запущенного Банковского двора и изделиями Санкт-Петербургского монетного двора, действующего в Петропавловской крепости.

Право *«иметь собственный монетный двор»* было предоставлено Ассигнационному банку еще в 1786 году по манифесту об учреждении Государственного заемного банка. Но только через 10 лет, с воцарением Павла I, создание Банковского монетного двора становится составной частью мероприятий, получивших название *«операция преобразования государственных ассигнаций в монету»* и направленных на оздоровление денежного обращения.

Новый монетный двор первоначально предназначался *«для делания на оном из иностранного серебра особой банковской без цены, а не государственной монеты»*. Руководство техническим оснащением нового двора было доверено шотландскому инженеру Чарлзу (Карлу Карловичу) Гаскойну, с 1786 года работающему в России и успевшему зарекомендовать себя в качестве талантливого инженера и организатора производства. В конце лета 1797 года к работе подключаются механик Жорж Шериф и минцмейстер Джозеф (Осип) Мейджер, вероятно, выписанные Гаскойном. По всей видимости, кураторы проекта всяче-

ски подгоняли Гаскойна, и уже с 4 ноября есть сведения о выдаче ему *«золота и серебра из запасов Ассигнационного банка для пробова-ния в тиснении машины»*. 30 декабря в Контору о покупке металлов из Банковского двора было передано 2680 рублей золотой и 7005 рублей 50 копеек серебряной монетой, а к концу февраля 1798 года поступления составили: золотом – 5000 рублей, серебром – 13740 рублей 50 копеек «четвертаками», 4919 рублей 50 копеек «гривнами».

В феврале 1798 года шотландцу удалось наладить работу малой паровой машины, однако до предусмотренных проектом объемов монетного производства - 150 тысяч монетных кружков на сумму 264 тысячи рублей в месяц — было по-прежнему недостижимо далеко. Очень скоро стало очевидно, что новая стопа серебряных монет, приближенная к талерной - 14 рублей из серебра 83 1/3 /96 пробы — оказалась для казны непосильным бременем (особенно если учесть, что параллельно было публично сожжено на несколько миллионов рублей ассигнаций). «Утяжеленной» серебряной монеты было выпущено на сумму менее 1 миллиона рублей, и вся она сразу же осела у населения. Уже в 1798 году серебряные монеты возвращаются к прежней стопе, и к августу 1798 года провал «операции преобразования ассигнаций» становится очевидным (реализовать подобный проект удастся много позже, в ходе реформы 1839-1843 годов; с подробностями можно ознакомиться в книге «Монетное дело Российской империи»). Куракин оказался в опале и 21 сентября был отстранен от службы.

Здание ассигнационного банка, С-Петербург.

Одним словом, взглядыываясь из сегодняшнего далека на этот эпизод Павловского правления, поневоле начинаешь лучше понимать императора, чья нервная система под конец царствования была, по-видимому, совсем расшатана явным и подспудным саботажем, нерадивостью и ленью подданных, их действительным или же кажущимся противодействием царским реформам... В самом деле — потратить 252 888 рублей на устройство Банковского монетного двора, чтобы потом получить на 23 660 рублей монет! Будет от чего прийти в бешенство!!

Впрочем, Банковскому двору все же нашли достойное применение - Гаскойн, проинспектировав монетный двор в Петропавловской крепости, заключил, что *«нынешнее расположение и устройство машин долженствует совершенно быть переменено, прежде, нежели в нем можно начать делать монету»* и счел возможным перенести на это время монетное производство в Банковский монетный двор. В конце весны 1799 была возобновлена пробная монетная чеканка, и 13 июня с Банковского монетного двора в Контору о покупке металлов поступило: рублями – 370 рублей, полтинами – 1441 рубль, пятикопеечниками – 294 рубля. А 27 сентября Гаскойн доносил Павлу I о том, что *«монетный Банковский двор со все-*

ми к нему принадлежностями в ведение его принят, и от дня Высочайшего соизволения через две недели передел начать, а в месяц до равного количества с крепостным довести возможно».

Обнаружить монеты этого передела в общей массе дошедшего до нас нумизматического материала, по всей видимости, невозможно, так как, скорее всего, на упомянутых 370 рублях и 2880 полтинниках была проставлена дата уже следующего, 1800 года. Приступив с января 1800 года к регулярной чеканке, двор в Ассигнационном банке успешно справлялся со своими временными обязанностями вплоть до октября 1805 года.

Таким образом, хорошо известные нумизматам полуимпериалы и четвертаки 1798 со знаками «СП ОМ» следует отнести к продукции Банковского двора, которую, собственно, и призван был обозначить знак СП. Признание этого факта задает направление дальнейшего поиска, в частности, позволяет предположить, что на Банковском дворе была отчеканена, например, полтина, включенная С.И. Чижовым в свое «Описание вариантов некоторых типов русских монет последних двух столетий» под номером 128 (хотя вероятнее, что это новодел середины XIX века).

Полуполтинник Банковского монетного двора 1798 года СП ОМ.

Полтина Банковского монетного двора 1798 года СП ОМ с аукциона Монеты и Медали.

Описывая монету (СП ОМ, буквы расположены не в квадрате картуша, а под его нижней виньеткой), Чижов сообщает, что «до сего времени были известны монеты этого года с буквами СП ОМ в 5, 10 и 25 коп. С нахождением настоящей полтины становится возможным предположить, что отыщется и рубль, которого недостает до полной серии этих монет».

Предположение известного нумизмата, высказанное им в 1904 году, сбылось в 2013 году: в состав лотов 213 аукциона Gorny&Mosch под номером 5056 была включена монета рублевого достоинства 1798 года СП ОМ (знаки под виньеткой картуша). Не имея возможности исследовать непосредственно саму монету, трудно сделать какие-либо выводы о ее подлинности. Возможно, конечно, что предсказанию Чижова помогли сбыться современ-

ные умельцы, не без оснований надеющиеся извлечь из появления этой редкой монеты хорошую прибыль (на Горном за нее просили 200 000 евро).

Имея правильное представление о начальном периоде работы Банковского двора, нельзя исключать возможность существования пробного рубля такого оформления. Но в этом случае его обратная сторона должна быть выполнена штемпелем оборотной стороны одного из типов пробного ефимка 1798 года, включенного в Базовый каталог под номером 509/16). Сами же устроители аукциона указывают, что «штемпель оборотной стороны напоминает по дизайну оборотную сторону ефимка», хотя «ни диаметр, ни вес монет не совпадает, поэтому состыковка штемпелей в данном случае исключена».

Рубль Банковского монетного двора 1798 года СП ОМ с аукциона Gorny&Mosch.

ЯКОБ РЕЙХЕЛЬ - НУМИЗМАТ-ФАНТАЗЕР

В одной из статей, составивших эрмитажный сборник «Якоб Рейхель: медальер, коллекционер, ученый», имеется великолепная в своей двусмысленности характеристика главного героя: *«Авторитет собирателя в кругу российских и зарубежных нумизматов был чрезвычайно высок, хотя его профессиональные суждения о подлинности некоторых монет доставляли порой массу огорчений не в меру доверчивым охотникам за нумизматическими редкостями»*. Эта фраза чем-то похожа на зодиакальных рыб, одновременно плывущих в противоположных направлениях. То есть, с одной стороны, авторитетный коллекционер, эксперт и знаток, с другой стороны — незадачливые нумизматы, которые хватаются за голову, получив под видом редких сокровищ туфту и липу.

Психология детской игры в «царя горы», когда нужно пробиться к вершине и закрепиться там, отбиваясь от конкурентов, часто проявляется сегодня и там, где ей вроде бы совсем не место. Есть свой «царь горы» и в русской нумизматике. Если сегодня провести опрос — какая русская монета пользуется наибольшей известностью? - большинство нумизматов наверняка назовут рубль небывалого императора Константина Павловича.

Есть монеты, ценящиеся дороже, есть более красивые, есть более познавательные с исторической точки зрения. Но ни одна из них не породила столько легенд и фантастических измышлений, как константиновский рубль, что не удивительно, если вспомнить, что до смерти Николая I лишь единицы знали об этом нумизматическом курьезе.

«Константиновский» рубль

КЕЛЕЙНЫЕ РЕШЕНИЯ РОМАНОВЫХ И ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1825 ГОДА

Константин Павлович

Великий князь Константин Павлович родился в 1779 году, через два года после своего брата Александра. Честолюбивая Екатерина II предполагала сделать его императором Византийской империи, которую она надеялась возродить под российским покровительством. Его обучали греческому языку, держали няню-гречанку, однако этим замыслам не суждено было воплотиться в жизнь. Константин долго жил раздельно со своей первой женой, немкой, в конце концов развелся с ней и в 1820 году женился (morganatically) на польской аристократке Иоанне Грудзинской. Хотя Положение об императорской фамилии, препятствовавшее наследованию престола детьми от неравного брака, и не лишало лично его прав на российский престол, в 1823 году Константин Павлович отказался от своих прав на него, и на семейном совете Романовых было решено, что следующим императором должен стать молодой Николай, по возрасту годившийся Александру в сыновья.

Александр I

Николай I

Император Александр I подписал соответствующий манифест, несколько экземпляров которого хранилось в запечатанных конвертах в императорском Кабинете, Государственном совете, Сенате и Синоде. В соответствии с этим манифестом, получив 26 ноября известие о смерти Александра, Константин посылает младшему брату официальное письмо, в котором именует Николая императорским титулом и просит свое письмо к нему считать принесением присяги (как пригodiлось бы в этой ситуации хоть какое-нибудь техническое усовершенствование, позволяющее ускорить коммуникацию — хотя бы оптический телеграф; его линия была проложена между Зимним дворцом и Варшавой всего 10 лет спустя, в 1835 году, и позволяла передавать любые сведения меньше чем за два часа!). Но ничего подобного не существовало к моменту династического кризиса, письмо вез младший брат Михаил, и в Петербурге его получили только через неделю. А между тем, 27 ноября Николай, получив через генерал-губернатора Петербурга Милорадовича курьерское сообщение о смерти императора, немедленно первым принес присягу Константину, а вслед за ним новому императору присягнули находившиеся во дворце военные и гражданские чины. Возможно, Милорадович опасался, что в условиях масштабного заговора в армии, о котором ему постоянно докладывали, период междуцарствия может спровоцировать открытый мятеж: присяга предыдущему императору утратила силу и следовало немедленно, не теряя ни минуты, узаконить права нового государя. Вскрытый в экстренном заседании государственного совета пакет с манифестом Александра от 16 августа 1823 года, назначающий наследником престола Николая, уже ничего изменить не мог: в течение нескольких часов страна незаконно приняла присягу несуществующему императору (незаконность позже четко обосновал сам Константин, приведя в числе аргументов и то, что присягать можно только после манифеста о вступлении на престол, а он такого не издавал). Между Петербургом и Варшавой скакали курьеры, в Петербурге заклинали приехать и отречься от престола, в Варшаве раздраженно отказывались, заявляя, что нельзя отречься от престола, не взойдя на него и т.д. Но в сознании современников сам факт принятой присяги сделал императором Константина.

Одним из предприимчивых современников, которому пришлось в голову воспользоваться сложившимися обстоятельствами в своих личных целях, был медальер Петербургского монетного двора, друг тогдашнего министра финансов Е. Ф. Канкрин Якоб Рейхель.

Фигура эта действительно противоречивая, вошедшая в историю главным образом благодаря своей коллекции, ставшей важной составной частью нумизматического собрания Эрмитажа, а также непосредственному участию в создании константиновского рубля и появлении на свет одного из самых занимательных сюжетов российской нумизматики. Потомственный медальер, сын медальера Варшавского монетного двора, Якоб Рейхель первое время после приезда в Петербург зарабатывал на жизнь гравированием штемпельных форм для тиснения пуговиц, а также миниатюрной живописью. Талант рисовальщика и миниатюриста позволил Рейхелю завести в столице полезные знакомства, и даже получить заказ на исполнение миниатюрного портрета вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а также на портреты ее многочисленных детей. Эти навыки (да и связи) пригодились ему в годы работы на Петербургском монетном дворе, куда он был принят в 1802 году в звании медальерного студента. Ученичество завершилось через шесть лет, и в 1808 году Якоб Рейхель получил должность медальера монетного двора, которую занимал вплоть до 1846 года. Трудно назвать его примерным работником: рутинного труда по производству монетных штемпелей Рейхель избегал, а потом и вовсе почти на полтора года отправился в путешествие по Франции и Италии «для усовершенствования себя в медальерном художестве». Все это время ему исправно платили жалованье, что вызвало крайнее раздражение его непосредственного начальника К. А. Леберехта. Стремясь избавиться от нерадивого сотрудника, Леберехт писал начальнику монетного департамента, что персонал медальерной палаты *«по нынешней дороговизне претерпевает в жизни крайние недостатки. Обремененные семействами и не видя средств к улучшению своего состояния ..., они не в силах более удвоить свои труды. Между тем Рейхель, получающий 1500 рублей в год..., не делает никакого пособия своим товарищам, приводя еще более сгих художников в уныние».*

Недовольство трудолюбивых сослуживцев Рейхеля подогревалось еще и тем, что он как иностранец получал по заведенной с начала XVIII века традиции значительно большее жалованье, чем русские медальеры или иностранцы, принявшие российское подданство (в частности, сам Леберехт). Кстати сказать, это обстоятельство объясняет и тот факт, что Рейхель, сделавший в Петербурге блестящую карьеру, дослужившийся в Министерстве финансов до чина действительного статского советника, награжденный орденами св. Станислава 1-й степени и св. Анны 1-й степени, так и не принял «присяги на подданство России». В 1818 году Якоб Рейхель был назначен управляющим 2-м (типографическим) отделением Экспедиции заготовления государственных бумаг, где отвечал за прием готовой бумаги с водяными знаками из 1-го (бумагоделательного) отделения, за гравирование печатных клише и тиражирование денежных знаков. Эту должность он занимал почти сорок лет, вплоть до своей смерти. Благодушным человеком его не назовешь; в частности, известен эпизод с установкой на предприятии усовершенствованных печатных прессов: у Рейхеля, не желавшего по каким-то причинам введения этих прессов, возник конфликт с одним из мастеров — немцем Гинцем, которому Рейхель нанес два удара молотком по голове, в результате чего был приговорен к уплате пострадавшему штрафа и трехмесячному аресту по месту службы (что было несложно осуществить, так как предприятие в то время было городом в городе — огороженная охраняемая территория, вход и выход с которой строго контролировался).

Экспедиция заготовления
государственных бумаг

Главной страстью Рейхеля, делом его жизни стала его коллекция. *«Я мало тратил на женщин и на карты, а берег деньги на покупку монет, и это мое лучшее утешение в старости»*, - заметил он как-то. Коллекционерская деятельность Рейхеля началась с интереса к греческим и римским монетам; как медальер, он хорошо ориентировался в тонкостях монетного дела и мог оценить высокохудожественные монеты античности. Вскоре, *«негодую, что ему так часто попадают фальшивые античные монеты»*, он включил в сферу своих интересов западноевропейские и русские монеты. Рейхель покупал интересующие его монеты у многих известных российских собирателей, а также на зарубежных аукционах по всей Европе. В 1851 году Император Николай I, узнав о европейской известности рейхелевской коллекции, выразил заинтересованность в приобретении ее русской части, насчитывавшей более 4700 предметов. Рейхель согласился уступить коллекцию за 20 000 рублей, учитывая, что ему самому она обошлась не менее чем в 15 000, цены с тех пор возросли, да и собрать коллекцию сопоставимого уровня уже в тот момент не представлялось возможным. Царь дал указание *«стараться склонить действительного статского советника Рейхеля на понижение цены, назначенной им за предлагаемый к покупке для Эрмитажа Русский Нумизматический Кабинет»*, - и Рейхель покорился, получив в итоге 14 500 рублей.

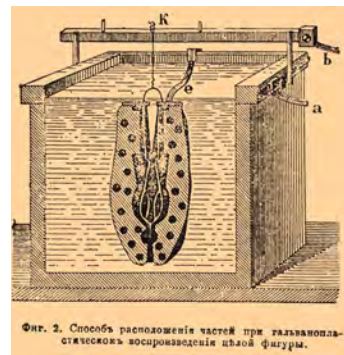
Зал монет и медалей Эрмитажа

С другой стороны, о чем и мечтать собирателю, как не о том, чтобы собранное им по крупицам осталось в рамках одной коллекции, а не рассеялось по миру вновь — как уже не раз бывало. Рейхель опасался распыления своего любимого детища, ведь только на его памяти после смерти владельцев распались

известные в России коллекции (Ф. Г. Баузе, И. П. Лаптева, Г. И. Лисенко, А. Трошинского и многих других). Выполняя последнюю волю Якоба Рейхеля, его брат Казимир в 1857 году подал в Эрмитаж записку с предложением купить оставшуюся часть коллекции, 41 875 западноевропейских золотых, серебряных и бронзовых монет за 132 271 рубль 74 копейки (ровно столько, сколько *«Яков Яковлевич Рейхель, как сие видно из домашних счетов его, употребил денег считая на серебро»*). Александр II, понимая историческую значимость коллекции, покупку одобрил, приказав выплатить 12 тысяч 271 рубль 74 копейки немедленно, а остальную часть с рассрочкой на шесть лет, по 20 000 рублей ежегодно.

Достаточно выразительно характеризует Рейхеля следующая история. В 1838 году Борис Семенович Якоби, немец на российской службе, открыл метод создания гальванопластических копий предметов: покрытые тонким электропроводящим слоем отпечатки-негативы опускались в гальваническую ванну таким образом, чтобы медь анода образовала слой на поверхности негатива-катода. Получившийся слой осадка отделялся от формы, сохраняя мельчайшие подробности копируемого предмета. *«Что не удалось многократным стараниям медно-гравюрного искусства - производить рельефно вырезанные металлические доски, то сумело совершить тихое творчество природы»*, - писал воодушевленный Якоби.

Научный мир пришел в восхищение, в частности, общепризнанный научный авторитет своего времени, немецкий естествоиспытатель А. Гумбольдт в своем письме к Якоби выразил уверенность, что остроумное открытие Якоби будет играть большую роль в развитии промышленности: *«Тонкость (молекулярная точность) получаемого осадка, как туман и мировая пыль в небесных пространствах, это — душа Вашей пластики; отсюда способность ложиться на любую поверхность и*

Фиг. 2. Способ расположения частей при гальванопластическом воспроизведении какой фигуры.

Академик Якоби и его аппарат

проникать во все ее неровности, воспроизводить мельчайшие пятнышки, которые остаются даже от нежного прикосновения пальцем», - говорилось в его письме. И первым, кто нашел гальванопластике практическое применение, стал Якоб Рейхель. В мае 1839 года в Экспедиции заготовления государственных бумаг была создана первая в мире производственная гальванопластическая мастерская для размножения медных стереотипов, и уже 2 января 1840 года в обращение поступили новые депозитные билеты, печатавшиеся при помощи гальванопластических стереотипов. В Экспедиции гальванопластика применялась не только в полиграфии, но и для изготовления художественных изделий: бюстов, барельефов, декоративных тарелок, продававшихся в магазинах Экспедиции и приносивших определенный доход. Таким образом, в гальванопластике Рейхель разбирался, как мало кто в его время - и тем не менее, в его коллекции оказались вещи, подлинность которых еще у современников вызывала вполне обоснованное сомнение.

В первую очередь это касается екатеринбургской рублевой платы 1725 года, которую Рейхель собственноручно вписал в печатный том каталога своей коллекции, присвоив ей литерный номер и оценив в 500 рублей. Между тем единственная подлинная рублевая плата 1725 года с мемориальной надписью в эти годы хранилась в коллекции купца И. П. Лаптева, в 1852 году перешла в коллекцию К. Ф. Шролля, а позже в ее составе поступила в Эрмитаж. В капитальном труде о русских монетах, изданном в 1857 году в Лейпциге одним из крупнейших петербургских собирателей первой половины XIX века Ф. Ф. Шубертом, прямо указано, что эрмитажный экземпляр, происходящий из коллекции Рейхеля, является искусной гальванопластической копией, что хорошо заметно по следам соединения лицевой и оборотной сторон на боковых гранях платы. Эрмитажные хранители, безоговорочно полагавшиеся на авторитет Рейхеля, вписали его плату в каталог Минцкабинета как подлинную. Позже она была определена как гальванопластическая копия с Лаптевского экземпляра, причем на ней хорошо видны следы удаления мемориальной надписи. Таинственным образом пионер промышленного использования нового научного метода, успешно применяющий его на практике в то время, когда о нем почти никто и не слышал - Рейхель вдруг оказывается не в силах отличить гальванопласт от подлинника - почему?

В одной из серий «Шерлока Холмса» знаменитый сыщик наотрез отказывается участвовать вместе с Лестрейдом в раскрытии преступления, хотя множественные улики вроде бы дают прекрасную возможность для применения его дедуктивного метода. А все просто - накануне он сам побывал на месте преступления, и все улики — дело его рук.

Напомним, что медальером Петербургского монетного двора Рейхель числился вплоть до 1846 года, и все это время активно пополнял свое собрание новодельными и редкими пробными монетами и медалями, а также торговал раритетами, в том числе и поддельными. По всей видимости, именно ему в декабре 1825 года пришла мысль быстренько изготовить суперраритет и включить его в свое собрание (что в итоге и произошло, правда, наслаждаться своим сокровищем Рейхелю пришлось тайно — дело обернулось так, что невинная затея разом обрела вид чуть ли не государственного преступления). Между тем, в исследовательской литературе считается общепринятым предположение о том, что инициатором создания пробного рубля с портретом Константина принадлежала министру финансов Канкрину. Сообщается, что Канкрин имел основания опасаться немилости со стороны нового императора: еще в начале 1813 года, когда Канкрин был генерал-интендантом 1-й Западной армии, он «чуть было не вышел в отставку вследствие столкновения с великим князем Константином Павловичем, потому что взял под свою защиту жителей одного города против злоупотреблений военного начальства, и только благодаря заступничеству Кутузова дело уладилось». Были и другие эпизоды, общим итогом которых, по мнению исследователей, явился страх Канкрина лишиться с воцарением Константина своего поста. Пытаясь предупредить нежелательное для него развитие событий, министр предпринял ряд мер для выражения своих верноподданнических чувств: во-первых, отправил 27 ноября курьера Константину с донесением о присяге, которую приняло Министерство финансов, что было явным авансом: чиновники министерства финансов — не солдаты, которые по команде строились и присягали целованием креста и Евангелия. Каждый чиновник ставил свою подпись в специально оформленных присяжных листах, которые продолжали поступать в канцелярию министерства финансов вплоть до 12 декабря, так что о принесении присяги всем министерством 27 ноября не могло быть

и речи. Но Канкрину было важно как можно быстрее донести Константину, что вверенное ему министерство — одно из важнейших после военного, признает его самодержцем все-российским.

Во-вторых, министр финансов приказал изготовить и раздавать новодельные медали «на рождение государя императора Константина Павловича». Но обнаружилась бестактность: приближалось 12 декабря, день рождения Александра I, почти четверть века отмечавшийся как одна из самых чтимых календарных дат, так что к медалям «на рождение государя императора Константина Павловича» пришлось прибавлять и новодельные медали на рождение Александра Павловича. Маневр, разумеется, неуклюжий, но искусством тонкой придворной лести Егор Францевич Канкрин не владел. И наконец, самая известная «ласкательская» акция — проект создания государственной монеты с портретом Константина. Но если предположить такую логику действий министра финансов, приходится допустить полную неинформированность одного из высших сановников империи о ситуации в стране, что вряд ли возможно. Отдельное внимание следует уделить дате начала работы над штемпелями пробного рубля — 6 декабря, то есть через полторы недели после присяги Константину и через три дня после получения известия о его присяге Николаю. В это время уже известно о предстоящем воцарении Николая, но еще ожидается приезд Константина для публичного отречения, и возникает соблазн использовать этот момент для чеканки уникальной монеты — чем с энтузиазмом занялся Якоб Рейхель.

Он поспешно выполняет проектные рисунки новой монеты, допуская грубые ошибки (имя императора «КОНСТАНТИН» не имеет полагавшейся по орфографии того времени буквы ер «Ъ» после конечной согласной, но зато ером заканчивается слово «РУБЛЬ» на реверсе монеты). Проектные рисунки выполнены на двух разных по размеру листах пергамента, тогда как обычно подобные рисунки выполнялись на плотной чертежной бумаге (на пергаменте в первой половине XIX века печатались марки Российско-американской компании, которые печатала Экспедиция заготовления государственных бумаг, возглавляемая Рейхелем).

Кроме того, все известные экземпляры константиновских рублевиков имеют производственные изъяны - бракованную или вовсе отсутствующую гуртовую надпись, расплюснутый рельеф уха на портрете, нестандартные вес и диаметр и т.д. Предположить, что пробные экземпляры столь низкого качества планировалось представить на утверждение императору России — крайне сложно. Считать, что медальерная палата монетного двора не в состоянии была изготовить качественные образцы, также было бы ошибкой. А вот утративший квалификацию (но не утративший страсти к нумизматическим раритетам) Рейхель вполне мог принимать непосредственное участие в изготовлении диковинной монеты. Дальнейшие события также вполне логичны: 13 декабря Николай подписал манифест, где провозглашал себя императором с 19 ноября, дня кончины Александра. Это бросало совсем неожиданный свет на затею с пробной монетой — никогда не существовавшего, как оказалось, императора. Узнав о назначенной на 14 декабря переприсяге Николаю, Канкрин немедленно приказал изъять с Монетного двора все подготовительные материалы, а «прочие кружки, коими первоначально штемпели пробованы» - уничтожить, тщательно забив изображения и надписи на них. Проектные рисунки, три пары штемпелей разной степени готовности, оловянные оттиски с них, а также пробы штемпелей в серебре были опечатаны и надежно скрыты в канцелярии министра финансов. Последовавшие затем события сделали пробную монету совсем уже одиозной — ведь защиту узурпированных якобы прав Константина на престол провозгласили своей целью руководители декабрьского мятежа. Более чем через 50 лет, в 1878 году, Александр II затребовал секретный пакет с монетами в Зимний дворец.

Из обнаруженных пяти пробных константиновских рублей, один Александр оставил в своей личной небольшой нумизматической коллекции, второй передал в Минцкабинет Эрмитажа, а три оставшиеся монеты подарил ближайшим родственникам: великим князьям Сергею Александровичу и Георгию Михайловичу, а также принцу Александру Гессенскому. Однако уже задолго до рассекречивания хранившихся в министерстве финансов материалов в каталоге директора Корпуса военных топографов при Генеральном штабе генерала Ф. Ф. Шуберта появилось упоминание об этой монете и ее первое изображение. Время его появления — 1857 год — обычно связывают со смертью Николая I, однако логичнее в этой связи вспомнить о другой дате, ведь годом раньше, в 1856 году, умер Якоб Рейхель. Вероятно, продажа монеты (монет?) сопровождалась условием неразглашения покупателем источника, потому что в своем комментарии к публикуемому изображению монеты Шуберт сообщает только то, что это один из уцелевших пробных рублей, отправленных в 1825 году в Варшаву на утверждение Константину. Гораздо подробнее и красочнее история обретения константиновского рубля изложена одним из учредителей археолого-нумизматического общества в Санкт-Петербурге, бароном Б. В. Кене (причудливости этой фантастической истории не приходится удивляться — она явно восходит к Рейхелю). Кене утверждал, что по распоряжению Канкрин Рейхель вырезал штемпели чуть ли не у себя на служебной квартире, а затем в Экспедиции заготовления государственных бумаг отчеканил 5 пробных монет с портретом Константина, три из них тотчас же были отправлены в Варшаву, а две остались у министра финансов. 13 декабря, узнав о том, что императора Константина не будет, а главное, никогда не было, — Канкрин спешно вызывает Рейхеля к себе и в его присутствии «разбивает штемпели» и уничтожает пробные монеты. Надо сказать, что монетный штемпель того времени — это массивная (около 3 кг) болванка из инструментальной стали, и пытаться разбить ее о кабинетный паркет — это, конечно, весьма благодарное занятие — как и уничтожение пробных оттисков (молотом на рабочем столе? в огне домашнего камина, как в кузнечном горне?). Словом, история фантастическая, как и другая история, плод предприимчивости русского консула в Марселе А. В. Трубецкого. В 1873 году он опубликовал брошюру с собственной версией обретения константиновских

рублей. По его словам, все монеты хранились в резиденции Константина (Бельведере) в Варшаве, и были похищены участником разгрома дворца во время польского восстания 1830 года. После его смерти вдова, нуждаясь в средствах, якобы предложила Трубецкому приобрести монеты, но так как покупка всех пяти экземпляров оказалась консулу не под силу, он приобрел только две, а остальные предложил Эрмитажу и известным нумизматам.

Хранитель эрмитажного минцкабинета А. А. Куник сначала заподозрил подделку, но затем под впечатлением встреч и бесед с князем Трубецким изменил свое мнение и даже счел возможным выменять один из них для эрмитажного собрания (согласно расписке Трубецкого, князь не остался внакладе, получив из эрмитажного собрания рубли Иоанна Антоновича, Павла Петровича, Александра Павловича 1801 и 1805 годов, Николая Павловича 1827 года и 10-злотый императора Николая). Однако после публикации в 1880 году хранившихся в министерстве финансов материалов, стало очевидно, что рубли Трубецкого — либо подделка, либо ... что? Сопоставляя рубли из министерства финансов и рубль Трубецкого, эксперты обнаружили ряд отличий, которые послужили основанием для объявления затеи князя подделкой: точку под левой лапой орла на оборотной стороне; несколько отличающийся внешний вид цифр 8 и 5 в дате 1825; различие в форме прядей волос на портрете.

Было высказано предположение, что штемпель для этой монеты был вырезан в 1867 года на парижском монетном дворе либо по рейхелевскому рисунку из альбома Шуберта, либо по полученной из Петербурга гальванокпии. Дополнительным доводом посчитали точку под орлиной лапой, так как подобными знаками мастера парижского монетного двора обозначали различные семестры в течение года (дополнительный уточняющий признак, позволяющий точнее атрибутировать ту или иную монету).

Но спрашивается, зачем потребовалось обозначение семестра на единичной монете, чеканка которой заведомо носила разовый характер? И мог ли официальный служащий государственного монетного двора принять частный заказ от русского офицера на изготовление штемпеля монеты другого государства? И во сколько могло бы обойтись выполнение подобного заказа? Не говоря уже о том, что столь точное копирование штемпеля по столь небольшому изображению не удавалось никому и никогда? Скорее всего, «парижские подделки» Трубецкого также имеют рейхелевский след, ведь до сих пор неизвестно, какие из инструментов оставил себе «на память» медальер-фантазер Якоб Рейхель.

В завершение следует добавить, что «фантазийное» творчество Рейхеля не ограничивается одним лишь «Константиновским сувениром». Припасенные рубли не существовавшего императора он вынужден был держать в тайне от всех более двух десятилетий. Будучи не в силах совладать с тягой к таинственным раритетам, страстный коллекционер за это время смастерил еще несколько псевдомонет, теперь уже с портретом законного императора. В 1827 году - рубль, а в 1845 году сразу комплект - рубль и полтину. Эти монеты называют «Рейхелевскими», и хотя они не покрылись таким же облаком легенд, как «Константиновский» рубль, но пользуются стабильным спросом у элитных коллекционеров и быют уровнем цен многие настоящие раритеты.

«Рейхелевский рубль» 1827 года

«Рейхелевский рубль» 1845 года

ДОЧЕКАНКА «ГАНГУТОВ»

Подготовленные нумизматы знают, что при изучении памятного рубля на 200-летие победы у мыса Гангут надо вспомнить о дочеканке «Гангутов» в советское время и в очередной раз попытаться найти отличия.

Только вот выполняли ли эта задача? Некоторым кажется, что да, и периодически можно услышать глубокомысленные суждения на этот счет; некоторые уверены, что нет. Обоснованные доводы против возможности советской дочеканки «Гангутов» приведены, в частности, в книге «Подделки российских монет».

Гангутский рубль 1914 года был последней памятной монетой, отчеканенной в царской России. Сражение при Гангуте в 1714 году — ярчайшая морская победа России, актуальность которой особенно остро чувствовалась в начале прошлого века: выпуск Гангутского рубля приурочили к спуску на воду дредноута «Гангут», и торжества должны были ознаменовать возрождение славы русского флота после Цусимского поражения.

Штемпели для Гангутского рубля выполнил П. Стадницкий, лицевую сторону монеты украсил портрет Петра I, оборотную — двуглавый орел, который держит в клювах и лапах четыре карты, олицетворявшие при Петре I четыре русских моря (Белое, Балтийское, Азовское и Каспийское), а при Николае II — Белое, Балтийское, Черное и Тихий океан.

Должен был состояться парад, каждый участник которого получил бы Гангутский рубль, но провести его помешала начавшаяся Первая мировая война, торжества были отменены, и почти весь тридцатитысячный тираж остался невостребованным.

Тем не менее, монеты попали к нумизматам. И. Г. Спасский предполагал, что примерно 135-150 экземпляров разошлись по рукам сразу после чеканки. По документам известно, что еще 300 штук было дочеканено в 1916 году по повелению Великого князя Сергея Михайловича (50 - Великому князю, 85 - штабу флота и 165 - в резерв двора), что свидетельствует о том, что на момент запроса высокопоставленного лица этих монет уже не было в наличии.

Но судя по встречаемости монеты, «Гангутов» сохранилось больше, что подтверждает и факт их наличия в прејскурантах и аукционных каталогах Советской филателистической ассоциации. Видимо, это и послужило для И. Г. Спасского поводом предположить, что в 1927 году ассоциация направила на Ленинградский монетный двор заказ о дочеканке «Гангутов» и рублей 1915 года, последнего года регулярной царской чеканки, «поскольку о их своевременной чеканке знали собиратели в стране и за границей, а между тем ни у кого их не было».

«Гангутский рубль» 1914 года

Предположение это спорное. Во-первых, сама идея чеканить для распространения среди советских коллекционеров монет с портретами российских императоров в первое десятилетие Октября выглядит, мягко говоря, маловероятной (дочеканка подлинными штемпелями золотых монет — совсем другая история, и цели ее были иными).

Во-вторых, ни рубли 1915 года, ни «Гангуты» не относились тогда к числу коллекционных раритетов. В издании 1916 года М. Гаршина, продолжившего по решению РОН работу Гиля-Ильина, рубль 1915 года отмечен точкой (монета не совсем обыкновенная), а «гангутский рубль» 1914 года как редкость вообще не выделен. Да и в преискурантах СФА их стоимость невелика, в случае формирования заказа монетному двору ассоциация могла найти куда более интересные варианты.

Самый простой и логичный путь, которым монеты попали в СФА — это их передача из казначейства монетного двора в целях реализации как предметов коллекционирования, чем ассоциация и занималась под эгидой ВЦИК, имея на такого рода деятельность монопольное право.

Таким образом, факты говорят о том, что тридцатитысячный тираж 1914 года, запланированный для раздачи в день празднования события, но невостребованный из-за начавшейся войны, к 1916 году был исчерпан. О его судьбе можно говорить лишь предположительно. Судя по встречаемости монет, в частные руки попало порядка тысячи экземпляров, а остальные пошли в переплавку (вспомним резко возросшую потребность в серебре для изготовления наград в первый год войны). Триста монет 1916 года формально можно

считать новоделами, но по сути они таковыми не являются — дочеканка в близкое время памятных монет для удовлетворения спроса была обычной практикой монетного двора.

Другой известный нумизмат, В. В. Уздеников, хотя и объявил об отсутствии отличительных признаков у «подлинных» и «новодельных» гангутских рублей, в целом согласился с предположением И. Г. Спасского и предложил считать новодельными рубли, отчеканенные «смешанными» комплектами штемпелей (полированный для одной стороны, и обычного исполнения для другой). *«Наиболее вероятно, - пишет В. В. Уздеников, - что такое неряшливое смешение штемпелей могло быть допущено на Ленинградском монетном дворе только при чеканке новоделов и только после 1917 года, когда «гангутский рубль» вместе со всеми другими монетами императорской России безвозвратно утратил свою былую престижность»* (Очерки, 2001).

Впрочем, предположения (пусть и не находящие фактического и документального подтверждения) известных нумизматов, внесших огромный вклад в развитие отечественной нумизматики — это одно дело. И совсем другое - нежелание допустить даже возможность усомниться в своих устоявшихся взглядах и многозначительные заявления о том, что признаки отличия «Гангутов» 1914 года и «советских дочеканов» известны, но держатся в тайне от непосвященных.

Мучительно трудный процесс поиска черной кошки в темной комнате усугубляется, если кошки там нет. Ну а поиск отличительных признаков гангутских новоделов от оригиналов продолжается нумизматами и сегодня.

С-Петербургский монетный двор